

ISSN 0202—151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1985

1

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1985

1

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР С. К. КАМАЛОВ, акад. АН УзССР К. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, акад. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР А. А. АСКАРОВ, член-корр. АН УзССР М. А. АХУНОВА, член-корр. АН УзССР М. Б. БАРАТОВ, член-корр. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, член-корр. АН УзССР В. В. КИМ, член-корр. АН УзССР М. К. КОШЧАНОВ, член-корр. АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), член-корр. АН УзССР С. П. ТУРСУНМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, член-корр. АН УзССР А. Х. ХИКМАТОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, доктор филос. наук Қ. Х. ХАНАЗАРОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Г. Ю. Чурина*

Сдано в набор 31.01.85. Подписано к печати 19.02.85. P03722. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 6,3. Тираж 1134. Заказ 36. Цена 65 к.

Адрес Издательства: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

© Издательство «Фан» УзССР, 1985 г.

Э. Х. МАХМУДОВ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Выступая на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко отметил: «У каждой отрасли, каждого предприятия есть свои задачи, своя специфика. Но есть общая задача, которая должна пронизывать в наше время работу всех отраслей, всех предприятий,— это лучше хозяйствовать, эффективнее использовать ресурсы, работать более результативно. Иначе говоря — рационально вести хозяйство»¹.

Эти положения глубоко развиты в статье К. У. Черненко «На уровень требований развитого социализма», где подчеркивается необходимость «коренного перелома в повышении эффективности народного хозяйства». При этом особо указывается на принципиальное значение максимально бережного отношения к имеющимся ресурсам в процессе всемерной интенсификации общественного производства.

Сказанное особенно важно для капитального строительства, в сфере которого создается важнейшая часть национального богатства страны — производственные и непроизводственные основные фонды, осуществляются реконструкция, расширение и техническое перевооружение действующих предприятий. Строительство играет огромную роль в развитии производительных сил, формировании отраслей, определяющих научно-технический и социальный прогресс. Поэтому от состояния дел в этой отрасли, как неоднократно подчеркивалось в решениях партии и правительства, во многом зависят успешное претворение в жизнь текущих и перспективных планов экономического и социального развития, функционирование «экономной экономики».

Партией и правительством намечены конкретные меры по дальнейшему повышению эффективности капитального строительства. Их реализация позволит ускорить сооружение новых, реконструкцию и расширение действующих производств и объектов, улучшить качество работ, существенно снизить затраты на единицу конечной строительной продукции.

Слагаемые эффективности капитального строительства в масштабе страны во многом зависят от того, насколько успешно выполняются строительные программы и планы ввода основных фондов в каждом регионе — экономическом районе, республике, области, насколько полно и умело используется имеющийся строительный потенциал. Это, в свою очередь, дает основание считать, что региональные успехи (равно как и недостатки) строительного производства не только носят местный, сугубо локальный характер, но и имеют общегосударственное значение.

Узбекская ССР — одна из немногих республик, где плановые темпы роста капитальных вложений в текущей пятилетке заметно выше аналогичных общесоюзных показателей, где для ведения строитель-

¹ Правда, 1984 г., 16 ноября.

ства в больших масштабах и высокими темпами имеются не только благоприятные природно-климатические условия, но и соответствующие трудовые ресурсы, современная индустриальная база, разветвленная сеть подрядных и проектно-изыскательских организаций. Ныне более или менее крупный строительный трест (объединение) располагает машинной техникой, в несколько раз превышающей объем техники строительного производства всей республики в 40—50-х годах.

Более 60% капитальных вложений, выделяемых на развитие народного хозяйства Узбекистана, приходится на строительные работы. Их производством ныне занято свыше 2 тыс. государственных и межхозяйственных подрядных организаций, располагающих более чем полумиллионной армией строителей. Используя высокопроизводительную технику и прогрессивную технологию, современные материалы и конструкции повышенной заводской готовности, а также передовой опыт и другие новшества, они достигли значительных успехов. За четыре года текущей пятилетки в целом по республике освоено около 25 млрд. руб. капитальных вложений (это примерно четверть всех вложений, сделанных в республике за 1924—1984 гг.). За этот же период выполнено строительного-монтажных работ почти на 15 млрд. руб., введено основных фондов более чем на 20 млрд. руб.

Немалые успехи достигнуты в 1984 г.— в год 60-летия образования Узбекской ССР и Компартии республики. В числе введенных объектов — около 20 крупных промышленных предприятий, новая линия метрополитена им. В. И. Ленина, более 90 тыс. га новых орошаемых земель, животноводческие комплексы, фермы и помещения для содержания скота и птицы более чем на 100 тыс. мест, свыше 6 млн. м² жилой площади, большое число школ, больниц, детских и культурно-просветительных учреждений. За счет нового строительства, реконструкции и расширения действующих предприятий значительно возросли мощности электроэнергетики, химической и нефтехимической промышленности, машиностроения, отраслей агропромышленного комплекса. Благодаря усилиям строителей успешно претворяется в жизнь региональная часть Продовольственной и Энергетической программ страны.

Достижения строительного производства неоспоримы, но есть еще много трудностей, недостатков и проблем, связанных прежде всего с распыленностью капитальных вложений по многочисленным объектам, непомерно большими масштабами незавершенного строительства и сроками возведения объектов, низким качеством строительного-монтажных работ, что особо отмечено на XVI—XVIII пленумах ЦК КПУз 1984 г. Такие негативные тенденции, как снижение фондоотдачи, рентабельности, производительности труда, на которые указывалось на пленумах, наблюдаются и в строительстве.

В чем же причины этих недостатков и пробелов, почему они сохраняются из года в год, нанося немалый урон отрасли и всему народному хозяйству?

Дать на эти вопросы однозначный ответ не позволяют прежде всего отраслевые особенности строительства и его продукции, сложности взаимоотношений между участниками строительства. Прорехи на стройках складываются порой из-за неправильного планирования, плохого материально-технического обеспечения, недостатков проектно-сметного дела и др. Словом, пробелы капитального строительства — результат взаимодействия негативных явлений, возникающих и действующих на разных уровнях и стадиях инвестиционного процесса и имеющих отношение как к технике, так и экономике, организации строительного производства.

Нельзя сказать, что эти проблемы возникли вдруг и являются плодом только сегодняшнего дня. Как в Узбекистане, так и в целом по Союзу на протяжении многих лет проблемами экономики строительства занимается довольно большое число научных учреждений, ученых и специалистов, а также самих строителей. Интенсивные научные ис-

следования и разработки способствовали не только формированию экономики строительства как самостоятельной отрасли науки, но и повышению ее роли в строительной практике. Особенно велик вклад в это дело союзного и республиканского академических институтов экономики, научно-исследовательских институтов при Госпланах СССР и УзССР, Научно-исследовательского института экономики строительства (НИИЭС) Госстроя СССР, Всесоюзного центрального научно-исследовательского института по механизации и оказанию технической помощи строительству (ВЦНИИОМТП) и Всесоюзного научно-исследовательского и проектного института труда в строительстве (ВНИПИ) Госстроя СССР, а также специализированных государственных проектных институтов и их филиалов на местах. Вопросы экономики строительства занимают важное место и в деятельности трестов «Оргтехстрой», функционирующих в составе строительных министерств и ведомств.

Подготовленные этими и другими научными учреждениями рекомендации, положения, инструкции, различные строительные нормы и правила призваны увязывать строительное производство во времени и пространстве, стимулировать труд строителей, соблюдать режим экономики и в целом вести строительство на научной основе. Только единых и ведомственных норм в строительстве, по последним данным, действует 127 тыс., а кроме того, — более 50 тыс. типовых и местных норм. Казалось бы, все это должно работать только на эффективность строительства, давать желаемые результаты во всей технологической цепи строительного производства и обеспечивать повсеместный успех. Но, как видно из сказанного выше, этого пока не происходит, и деятельность отрасли по многим количественным и качественным параметрам по-прежнему оставляет желать лучшего.

Вопросы повышения эффективности капитальных вложений и строительства, на наш взгляд, должны решаться прежде всего путем улучшения проектно-сметного дела. При этом речь идет о создании не только технически совершенных проектов, но и экономически приемлемых, позволяющих сберечь как живой труд строителей, так и прошлый, овеществленный труд. Особое внимание должно быть уделено преодолению рассогласованности между проектными, плановыми и фактическими показателями сметной стоимости создаваемых основных фондов. Сметная стоимость строительства предприятий, зданий и сооружений по проектно-сметной документации должна, как это предусмотрено в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению проектно-сметного дела» (1981 г.), соответствовать или быть ниже расчетной стоимости, предусмотренной в утвержденных в составе пятилетних планов перечнях вновь начинаемых строек и перечнях действующих предприятий и сооружений, направляемых к реконструкции и расширению; другие основные технико-экономические показатели также должны соответствовать или быть улучшены по сравнению с показателями, утвержденными в этих перечнях².

Сложившаяся строительная практика еще не отвечает полностью этим требованиям, не везде и не во всех случаях выдерживаются условия СН и П, сметная стоимость и сроки строительства, фактический расход строительных материалов и конструкций не совпадают с установленными нормами. Так, анализ данных по широкому кругу обследованных предприятий, введенных в действие после 1970 г., показал, что фактическая стоимость строительства превысила проектную по предприятиям ряда отраслей³. При этом технико-экономические показатели производства на предприятиях оказались несколько хуже проектных.

² См.: Собрание постановлений правительства СССР, 1981, № 14, с. 378.

³ См.: Плановое хозяйство, 1983, № 3, с. 10.

Аналогичных случаев немало и в Узбекистане. Причем они касаются не только нового строительства, но также расширяемых и реконструируемых действующих предприятий. Так, проектирование работ по расширению производства хлопкоуборочных машин на заводе «Ташсельмаш» осуществлялось в 1969—1978 гг., т. е. в течение десяти лет, а само строительство длилось 126 месяцев вместо 20 по норме; реконструкция Ташкентского завода по производству специализированной мебели должна была быть завершена за 15 месяцев, а фактически велась 27 месяцев; вводу новых мощностей по производству кондитерских изделий на Бухарском хлебозаводе по норме отводилось 22 месяца, практически на это ушло 37 месяцев⁴.

Чем длиннее сроки строительства и реконструкции предприятий, тем больше наложения расходов сил и ресурсов, отклонения от сметной стоимости этих работ в сторону ее увеличения, не говоря уже о моральном старении запроектированных машин и оборудования, технологических процессов и схем. Поэтому для практического повышения эффективности капитальных вложений и строительства следует в первую очередь обеспечить всестороннюю обоснованность стоимости строительства еще на стадии проектирования и ее незыблемость в ходе реализации, как это имеет место с ценой на продукцию в промышленности и других отраслях народного хозяйства.

Аналогичные требования должны быть предъявлены и к срокам строительства. Вообще следует повысить статус этого показателя в планировании и расчетах экономической эффективности, непосредственно увязать с ним систему материального стимулирования и оценки производственной деятельности подрядных организаций. Ведь в сельском хозяйстве, например, сроки сева и сбора урожая не могут отодвигаться на продолжительное время. Точно так же обстоит дело с плавкой металла, сборкой машин, выпечкой хлеба и т. д. Почему же в строительстве сроки сооружения и сдачи объектов и производственных мощностей должны нарушаться и превышать установленные нормы в 3—5 и более раз?

Однако строгое соблюдение запланированных сметной стоимости и сроков строительства — не единственный и окончательный способ устранения имеющихся в капитальном строительстве недостатков. Необходимо также совершенствовать существующий порядок образования сметной стоимости и начисления доходов.

Как известно, сметная стоимость строительно-монтажных работ складывается из двух частей — прямых сметных затрат и доходов подрядных организаций, начисляемых в установленных процентах от этих затрат. Но прямые затраты по своему экономическому значению не однородны. С одной стороны, это расходы, которые связаны либо непосредственно с затратами труда, как заработная плата, либо с повышением производительности труда, как износ орудий труда. С другой стороны, большая часть прямых затрат — это расходы на приобретение материалов, изделий и конструкций, т. е. эквивалент чужого, прошлого труда.

Таким образом, доходы подрядных организаций, за счет которых содержится аппарат управления и формируется большая часть прибыли, образуются в равной зависимости как от расходов, участвующих прямо или косвенно в создании новой стоимости, так и от пассивных расходов, отражающих лишь величину чужого труда. В этом случае доходы строительных организаций, начисляемые в форме накладных расходов и плановых накоплений, оказываются в обратной зависимости от эффективности применения рабочей силы и орудий труда: чем дороже материалы и конструкции, т. е. чем больше в них заложено прошлого труда, тем меньше они требуют трудозатрат на стройке, но

⁴ По данным ЦСУ УзССР.

тем больше приносят дохода. Не остается неизменной и выработка: чем дороже материалы и конструкции, тем выше производительность труда, хотя сам коллектив данной строительной организации особых усилий в это и не вложил.

В зависимости от сметно-договорных данных во многом формируются плановый объем работ и фонд заработной платы строительных организаций — чем больше и дороже работы, тем больше величина фонда. Они же заметно влияют на уровень должностных окладов руководящих работников. Даже деньги на выплату заработной платы органы Стройбанка СССР выдают в зависимости от объема работ с учетом товарности строительной продукции и наличия у строительных организаций лимита средств на эти цели. В случаях, когда делается упор на штукатурные, малярные или подготовительные работы к сдаче объекта, стоимость которых в основном складывается из заработной платы, строительные организации нередко оказываются в затруднительном финансовом положении. Они вынуждены бывают поневоле отвлекать силы и средства от пусковых объектов, закладывать фундаменты и стены второстепенных зданий и сооружений, а некоторые из них идут и на приписки невыполненных работ.

Все это мешает успешно хозяйствовать, серьезно ставить и решать проблемы повышения эффективности капитальных вложений и строительства. Пока стоимость материалов будет служить основой финансовых результатов, пока прошлый труд, овеществленный в материалах и конструкциях, будет влиять на рост производительности труда строителей, пока не будет обеспечена неизбежность сметной стоимости и установленных сроков строительства, до тех пор не удастся приостановить неоправданное удорожание работ, распыление капитальных вложений, увеличение объемов незавершенного строительства, разбухание управленческого аппарата и другие отрицательные явления.

В условиях всемерной интенсификации общественного производства, возрастания роли и удельного веса прошлого труда в применяемых средствах производства основной упор должен быть сделан на сохранность и рациональное использование орудий труда — машин, механизмов, технологического оборудования и предметов труда — сырья, материалов, топливно-энергетических ресурсов. Это, как отмечалось на XXVI съезде КПСС, является одной из ключевых задач одиннадцатой пятилетки.

Между тем, как свидетельствует региональная и общесоюзная строительная практика, орудия и предметы труда, адекватные основным и оборотным фондам, стоимость которых в строительстве составляет ныне десятки миллиардов рублей, еще не дают желаемой отдачи: на многих стройках техника, а вместе с нею и людские ресурсы, простаивают, нерационально хранятся и используются строительные материалы, конструкции, производственный инвентарь и инструменты, что ведет к снижению эффективности задействованных средств производства, а следовательно, и средств, вложенных в их создание.

Многие строительные организации не обеспечивают стабильности рабочих кадров, допускают их текучесть и потери рабочего времени. Только по этим причинам объем невыполненных строительномонтажных работ, по данным ЦСУ УзССР, превысил в 1983 г. 56 млн. руб., из которых почти половина приходится на внутрисменные и целодневные простои, отсутствие фронта работ и др.

Здесь, очевидно, излишне давать какие-либо рекомендации по улучшению использования имеющихся у строителей орудий и предметов труда, ликвидации простоев и потерь рабочего времени — они достаточно известны. Однако не лишне подчеркнуть, что в условиях непрерывного прогресса науки и техники, когда система машин активно заменяет труд человека на многих участках производства, а прогресс техники в том и выражается, что человеческий труд все более отступает на задний план перед трудом машин и механизмов, именно про-

изводительное использование средств производства, повышение отдачи каждой единицы орудий и предметов труда решают успех всего дела, обеспечивают желаемый эффект. Кроме того, в повышении эффективности использования машин и оборудования, высокоиндустриальных строительных материалов и конструкций заложены значительные резервы дальнейшего роста уровня механизации, комплексной механизации и автоматизации строительного производства и повышения качества строительной продукции. Неслучайно К. Маркс, подчеркивая роль средств труда в развитии общества, писал: «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»⁵.

Добиться коренного улучшения строительства и повышения эффективности капитальных вложений, как того требуют решения партии и правительства, можно путем роста производительности труда. В этом показателе, как в фокусе, отражаются многие стороны экономики и организации строительного производства, достижения научно-технического прогресса и передового производственного опыта.

Повышение производительности труда, выступая внешне как бы самостоятельным направлением успешного решения проблем эффективности, внутренне связано преимущественно с ранее рассмотренными возможностями строительного производства, которые заключены в лучшем использовании предметов и орудий труда, рабочего времени, соблюдении режима экономии и ликвидации всяческих потерь. По Марксу, «производительность труда вообще = максимуму продукта при минимуме труда...»⁶

Государство, устанавливая задания по росту производительности труда каждому предприятию, каждой организации и отрасли, а также по народному хозяйству в целом, тем самым ориентирует экономику на поступательное развитие. Выполнение плановых заданий по росту производительности труда есть не только важное условие повышения эффективности производства, но дело чести коллективов всех предприятий и организаций, их общегосударственная задача.

В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» предусмотрено обеспечить за счет роста производительности труда не менее 85—90% прироста промышленной продукции и весь прирост строительно-монтажных работ. За пятилетие прирост производительности труда в строительстве должен составить 15—17% против 11% в десятой пятилетке⁷.

В своей статье «На уровень требований развитого социализма» К. У. Черненко особо отметил большую, программную значимость задачи — «обеспечить выход страны на высший мировой уровень производительности общественного труда», подчеркнув принципиальное значение этого вопроса, огромную роль борьбы за достижение высшей производительности труда в процессе совершенствования развитого социализма.

Исключительно важное значение имеет рост производительности труда в строительстве. Между тем в девятой пятилетке, по данным ЦСУ СССР, среднегодовой рост производительности труда в строительстве составил 5,8%, а в десятой этот показатель не поднялся выше 2,2%. Планом текущей пятилетки предусмотрено среднегодовое увеличение производительности труда на 3—3,4%, но фактически за 2 года одиннадцатой пятилетки она выросла всего на 5%⁸.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 191.

⁶ Архив Маркса и Энгельса, Т. II. М., 1933, с. 125.

⁷ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1982, с. 108.

⁸ См.: Экономика строительства, 1984, № 3, с. 53.

Примерно такова же динамика производительности труда в строительной отрасли УзССР. В 1983 г. годовое задание по производительности труда государственными подрядными организациями республики было выполнено лишь на 97,5%, в том числе организациями союзного подчинения — на 97,6%, а республиканского — на 97,2%. Доля прироста объема работ (по сметной стоимости) за счет роста производительности труда составила 15% вместо 89%, предусмотренных годовым планом⁹.

В 1984 г. значительное число строительных организаций также не достигли в этом отношении заданного уровня, а среди перевыполнивших и выполнивших это задание немало таких, которые весь прирост работ получили преимущественно за счет увеличения численности работников.

Но вдаваясь здесь в детали рассматриваемой проблемы, заметим, что низкие темпы производительности труда — следствие тех же негативных явлений, с которыми связана недостаточно высокая эффективность капитального строительства в целом. Наряду с этим следует отметить опережающее развитие фондо- и механовооруженности труда по сравнению с ростом его производительности, падение фондоотдачи. За 1970—1983 гг. фондовооруженность труда в строительстве выросла более чем в 2,6 раза, производительность труда — только в 1,6 раза, а с 1975 г. — соответственно в 1,9 раза, и немногим более чем на 20%. Фондоотдача — объем выполненных строительного-монтажных работ на 1 руб. среднегодовой стоимости производственных основных фондов строительного назначения — при этом значительно снизилась.

На уровень и темпы роста производительности труда оказывают прямое воздействие организационно-управленческие факторы — система управления, характер специализации подрядных организаций, методы организации труда и производства и др. Как указывалось на XVI пленуме ЦК КПУз (1984 г.), «за последние годы без достаточных оснований произошло разукрупнение многих строительных организаций», что противоречит курсу на концентрацию производства и требованиям научно-технического прогресса в строительстве. Плохая организация труда сводит на нет преимущества технически вооруженного производства. Чтобы лучше использовать имеющийся производственный потенциал, повысить производительность труда и эффективность строительного производства в целом, необходимо привести в действие организационные факторы, в частности совершенствовать систему и методы управления производством, реализовать очевидные выгоды таких форм разделения общественного труда, как концентрация, специализация и кооперирование, настойчиво внедрять современные достижения, научно-технического прогресса. Немаловажное значение имеет ликвидация инертности в действиях отдельных руководителей строительных подразделений, пассивности в проведении научных экспериментов, призванных вскрывать резервы строительного производства и улучшать технико-экономические показатели капитального строительства.

Современная хозяйственная практика имеет и немало других возможностей повышения эффективности капитальных вложений и строительства. Рассмотрение всех их в рамках одной статьи практически невозможно. Здесь мы остановимся лишь на одном принципиально важном вопросе. Речь идет о расширении границ реконструкции и технического перевооружения действующих производств, а также переориентации политики капитальных вложений в сторону увеличения в их составе доли машин, оборудования и других активных элементов.

Партия, как это вновь подчеркивается в статье К. У. Черненко

---

⁹ По данным ЦСУ УзССР.

«На уровень требований развитого социализма», считает необходимым обеспечить качественное преобразование производительных сил на основе технического переоснащения всех отраслей народного хозяйства, повсеместного освоения самых прогрессивных технологий.

Эти задачи, как показывает опыт, легче и быстрее решать путем реконструкции, расширения и технического перевооружения уже имеющихся предприятий, чем организации нового строительства.

Это, кроме того,— верный путь существенного повышения отдачи каждого рубля и общей массы капитальных вложений, быстрой материализации достижений научно-технического прогресса. Расчетами установлено, что при наращивании мощностей путем реконструкции удельные капитальные вложения по сравнению с новым строительством снижаются в среднем на 8—10%, а в отдельных случаях — до 30—60%. Для выпуска определенного количества продукции на новом предприятии требуется устанавливать оборудования значительно больше, чем при замене его на действующем предприятии. Освоение новых мощностей на действующих заводах и фабриках происходит в 3—3,5 раза быстрее, чем во вновь построенных.

Однако преимущества реконструкции и технического перевооружения используются еще далеко не полностью. Более 69% капитальных вложений, направляемых на эти цели, идет на строительство новых цехов, корпусов и объектов. На некоторых предприятиях под видом реконструкции производится по существу новое строительство. К тому же реконструкция и расширение производства теряют очень многое из-за длительных сроков их проведения, технических неувязок и непродуманности всех вопросов.

Акад. Т. С. Хачатуров, рассматривая проблемы эффективности капитальных вложений и строительства, справедливо отмечал: «Нельзя допускать, чтобы под флагом реконструкции и расширения велось по существу новое строительство. Сами сроки проведения работ должны быть сжатыми. В этом — одно из преимуществ проведения реконструкции»¹⁰. К сказанному можно добавить, что реконструкцию и особенно техническое перевооружение надо рассматривать не как кратковременный эпизод в жизни предприятий, а как процесс постоянного обновления основных фондов, согласованного с современными требованиями технического прогресса и инвестиционной политики. Надо также повысить внимание к предложениям по реконструкции и техническому перевооружению, идущим от предприятий и объединений, при одновременном усилении контроля за использованием средств, отпускаемых на эти цели. При выделении капитальных вложений на реконструкцию и техническое перевооружение действующих предприятий было бы правильно устанавливать соответствующие конкретные задания по росту производительности труда, высвобождению рабочей силы, переходу на выпуск новых видов продукции.

Существенное влияние на эффективность капитальных вложений оказывает совершенствование их технологической структуры. Увеличение в составе капитальных вложений активной части основных фондов, в частности доли машин, оборудования, инструментов, способствует относительному снижению затрат на единицу выпускаемой продукции и тем самым повышает эффективность строительства и всего общественного производства. В последние годы в результате увеличения ассигнований на приобретение машин, станков и оборудования, наращивания мощностей на действующих предприятиях легкой, пищевой и ряда других отраслей промышленности республики достигнуты заметные результаты в увеличении выпуска продукции, расширении ее ассортимента и улучшении качества.

Однако такая тенденция еще не обрела постоянства, не стала правилом в планово-хозяйственной практике и повсеместным ориентиром.

¹⁰ Хачатуров Т. С. Эффективность капитальных вложений. М., 1979, с. 60.

Этим в определенной мере можно объяснить сохраняющиеся до сих пор высокий удельный вес строительно-монтажных работ в составе капитальных вложений, различие в соотношениях нового строительства и реконструируемых и расширяемых предприятий, а соответственно — и их эффективности.

В то же время совершенствование структуры капитальных вложений в сторону увеличения удельного веса затрат на приобретение машин, оборудования и агрегатов — не самоцель и не застывшая, раз и навсегда данная хозяйственная линия. В зависимости от вида, характера и цели строительства структура капитальных вложений может изменяться. Например, производственное строительство имеет более «активную» структуру капиталовложений, чем, скажем, жилищное; освоение новых земель требует (по крайней мере, в начальной стадии) значительно больших затрат на производство строительно-монтажных работ, нежели на создание «активных» основных фондов. Поэтому речь идет не о механическом повышении или понижении, соответственно, «активной» и «пассивной» частей капитальных вложений, а о таком направлении средств, которое обеспечивало бы получение наибольшего и быстрого эффекта, приводило бы к общему снижению затрат общественного труда на производство продукции. Обобщенно говоря, политика капитальных вложений, в которой выражаются общие интересы государства и народа, должна служить тому, чтобы, кроме экономического выигрыша, были обеспечены передовые рубежи науки и техники, ускоренное развитие производительных сил, сохранность окружающей среды. И наша социалистическая система хозяйства создает все необходимые для этого условия и возможности.

Т. Э. ЭРГАШЕВ, И. П. ПАЛВАНОВА

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗАКОНА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПО ТРУДУ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

В современных условиях все более возрастает важность углубления и расширения наших знаний об экономических законах социализма, ибо от степени познания их во многом зависит эффективность принимаемых мер по более полному использованию преимуществ социалистической системы хозяйствования в целях ускорения перевода экономики на путь интенсивного развития. Как указывает К. У. Черненко, «наши планы, хозяйственная практика должны быть обоснованы не просто экономически, но прежде всего политэкономически. Иными словами, они должны опираться на знание и всемерное использование объективных законов развития социалистической экономики. Ведь если не считаться с ними, о реализме нечего и толковать»¹.

В марксистской теории экономические законы трактуются как объективная необходимость, поскольку они действуют независимо от воли и сознания людей. Однако формы их проявления обусловлены господствующими производственными отношениями. Как известно, формы проявления экономических законов капитализма — это конкуренция, эксплуатация трудящихся, получение прибыли и сверхприбыли, безработица, экономические кризисы и т. д. В корне отличные от них экономические законы социализма есть законы хозяйства, основанного на общественной собственности на средства производства, и их действие направлено не на обогащение класса капиталистов, а на достижение непосредственной цели общества — обеспечение всестороннего и свободного развития личности. И формами их проявления

¹ Черненко К. У. На уровень требований развитого социализма. — Коммунист, 1984, № 18, с. 10.

выступают планомерность, товарищеское сотрудничество, распределение по труду и т. д. От того, насколько глубоко и верно познаны экономические законы, зависит умелое использование их в хозяйственной практике для достижения основной цели социализма.

Неотъемлемую черту действия всей системы экономических законов социализма составляет материальное стимулирование, порожденное действием специфического для социализма экономического закона распределения по труду. Посредством материального стимулирования создаются условия для планомерного использования экономических законов в социалистическом хозяйствовании. Этим и определяются роль и место экономического закона распределения по труду в системе экономических законов социализма.

Особенность закона распределения по труду состоит в том, что он регулирует распределительные отношения и распределяет созданные материальные блага по труду, в зависимости от его количества и качества. Распределение материальных благ при социализме осуществляется в интересах трудящихся и тем самым обеспечивается связь закона распределения по труду с требованием основного экономического закона социализма — обеспечением полного удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей членов общества.

Исходный момент в распределительных отношениях — взаимосвязь производства и распределения при ведущей роли производства, поскольку производство предшествует распределению, определяя и формы, и реальный объем распределения благ².

В условиях социализма цель производства совпадает с интересами трудящихся, так как распределение ставится в прямую зависимость от количества и качества труда, чем и стимулируется трудовая активность рабочих в росте производительности труда, как индивидуального, так и коллективного. Влияя на рост производительности труда, закон распределения по труду вызывает и необходимость совершенствования самого метода распределения, который зависит, как отмечал К. Маркс, «от того, какое количество продуктов подлежит распределению, и... это количество, конечно, меняется в зависимости от процесса производства и организации общества»³.

История развития социалистической экономики полностью подтверждает данное положение и показывает, что с развитием производительных сил формы распределительных отношений претерпевали существенные изменения, что зависело от исторических, объективных и субъективных факторов.

В первые годы социалистического строительства, особенно в период «военного коммунизма», широко применялось натуральное, безденежное распределение при господстве уравнительной системы. Эта система, отмечал В. И. Ленин, «явилась следствием военного периода нашей революции, когда республика была «военным лагерем». В осажденной крепости совершенно понятно... было стремление снабдить всех возможно поровну, прокормить, поддержать, пока невозможно было взяться за восстановление производства»⁴.

Новая экономическая политика стала своеобразным толчком в развитии экономики, ибо в ее основу уже были положены принципы личной материальной заинтересованности. «Личная заинтересованность поднимает производство,— писал В. И. Ленин,— нам нужно увеличение производства прежде всего и во что бы то ни стало»⁵. Личная материальная заинтересованность породила довольно широкое распространение сдельных форм оплаты труда. Премирование, в силу обесценения денег, носило тогда натуральный характер. Интересно,

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 721.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 370.

⁴ Ленинский сборник. XX. М., 1932, с. 103.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 152.

что в тот период преобладала коллективная сдельная форма оплаты труда, т. е. уже тогда закладывались основы бригадной организации труда. В период индустриализации различные системы сдельной оплаты труда служили важным средством повышения производительности труда.

В 30-е годы в систему премирования была введена сдельно-прогрессивная оплата, которая на основе улучшения нормирования труда стала прогрессивным явлением в выработке новых форм материальной заинтересованности. В 60-е годы в основу распределения поставлены были не только индивидуальные результаты труда, но и результаты труда всего коллектива предприятия, что позволило полнее учитывать как личные, так и общественные экономические интересы. Это выразилось в создании на предприятиях фондов экономического стимулирования, образованных из прибыли, большее предпочтение стало отдаваться премиям и различного рода доплатам, выплачиваемым из прибыли.

Развитой социализм создает новые условия производства, порождая существенные технические и структурные изменения. Комплексная механизация и автоматизация производства, применение станков с программным управлением и т. п. усилили взаимосвязь между результатами труда работника и конечными результатами производства в целом. Это обуславливает необходимость развития коллективных форм организации и оплаты труда и расширения сферы применения повременной формы оплаты труда, развития премиальных систем, носящих комплексный характер.

Развитой социализм с его интенсивным ритмом работы породил факторы нового порядка. Во-первых, возросли масштабы основных производственных фондов: только за 1970—1982 гг. они увеличились в 2,5 раза, а производство национального дохода — в 1,8 раза. Во-вторых, качественные изменения произошли в главном элементе производительных сил — в людях. Повысился их общеобразовательный и культурно-технический уровень. Средняя численность рабочих возросла в 1,28 раза, а специалистов с высшим и средним специальным образованием — в 1,8 раза⁶.

Распределительные отношения на этапе развитого социализма стали более совершенными. Стало необходимым и возможным увеличение доли национального дохода, направляемого на личное потребление (фонд заработной платы в 1982 г. по сравнению с 1970 г. увеличился на 86%)⁷.

Уменьшение разрыва в уровне доходов между различными категориями работников представляет еще одну отличительную черту развитого социализма. (До 1965 г. наблюдалась повышенная дифференциация заработной платы различных категорий работников, что было вызвано острой нехваткой квалифицированных кадров).

Отсюда можно прийти к выводу, что закон распределения по труду (как и другие экономические законы социализма), сохраняя особые черты и признаки социалистической формации, в период развитого социализма приобретает существенные особенности, модифицируются формы его проявления. Повысилась значимость закона распределения по труду. Интенсивные факторы роста производства предопределили необходимость обеспечения более тесной связи между результатами труда каждого работника, производственной деятельностью коллектива предприятия и мерой вознаграждения.

Одно из условий реализации этой задачи — повышение роли основной заработной платы наряду с другими формами распределения материальных благ. Это объясняется тем, что основная заработная плата, будучи главной частью жизненных средств, удовлетворяет ос-

⁶ Народное хозяйство СССР в 1982 году. Статистический сборник. М., 1983, с. 36, 37.

⁷ Там же. с. 372.

новые материальные и культурные потребности работника. Важно при этом, как отмечает К. У. Черненко в статье «На уровень требований развитого социализма», обеспечение «строгой зависимости заработной платы от результатов труда, его производительности и условий»⁸.

В условиях развитого социализма под влиянием изменений существенной формы самого производства модификации, происходящие в действии закона распределения по труду, проявляются в том, что все более усиливается зависимость оплаты труда каждого от конечных результатов совокупного труда. Соответственно возрастает роль коллективных форм оплаты труда, основанных на общей заинтересованности членов коллектива в повышении качественных и количественных показателей работы предприятия. Стимулирование ставится в прямую зависимость от количества и качества труда не только индивида, но и всего коллектива бригады. Однако это вовсе не означает, что изменяется принцип распределения, как утверждают некоторые экономисты⁹. Главным принципом распределения, как отмечалось на XXVI съезде КПСС, может быть только труд, его количество и качество¹⁰. Но трудовая деятельность может оцениваться по-разному — по результатам индивидуального труда без учета или с учетом конечных результатов совокупного труда.

В современных условиях, когда все более возрастает значимость коллективных начал в организации труда, наиболее эффективна оплата труда, основанная на оценке индивидуальных усилий работника с учетом конечных результатов совокупного труда. В этом проявляется расширение сферы действия экономического закона распределения по труду: распределение осуществляется и по индивидуальному вкладу в результаты деятельности коллектива, и по результатам совокупного труда. Таким образом, важной особенностью в модификации закона распределения по труду является его направленность на достижение высокого конечного результата труда, ибо именно он, в конечном итоге, определяет эффективность развития нашей экономики в целом.

Характерной чертой распределительных отношений в современных условиях, на наш взгляд, стало и усиление материальной ответственности работника за результаты труда, ибо закон распределения по труду предполагает не только поощрение, но и наказание за халатное и недобросовестное отношение к труду. Как отмечалось на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС, плохая работа, бездеятельность, безответственность работников должны самым непосредственным образом сказаться на материальном вознаграждении¹¹. В статье К. У. Черненко «На уровень требований развитого социализма» также четко выражена мысль о том, что «тот, кто работает плохо, должен быть готов не к лучшей и даже не к прежней, а именно к худшей жизни. Мы добиваемся, чтобы за свою работу каждый отвечал сполна».

Таким образом, социализм как динамичная система, развиваясь и совершенствуясь, ведет к модификации в действии и проявлении экономического закона распределения по труду. При этом действие закона становится более глубинным и всесторонним. Это обусловлено и расширением наших знаний о нем, в результате чего общество все глубже познает и использует его в своих интересах.

Рациональное, целенаправленное использование экономических законов позволяет успешно решать и социальные вопросы распределения, учитывая, что «система материальных стимулов труда дает не только производственный выигрыш, она оказывает и благотворное мо-

⁸ Черненко К. У. На уровень требований развитого социализма, с. 13.

⁹ Первушин С. П. Экономические законы в развитом социалистическом обществе. М., 1974, с. 166—167.

¹⁰ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 59.

¹¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 22 ноября 1982 г. М., 1982, с. 9.

ральное воздействие на трудовые коллективы, то есть, если смотреть в суть дела, на человека»¹².

Правильное использование экономического закона распределения имеет весьма важное значение в стимулировании творческой инициативы масс, трудовых коллективов, всех советских людей в решении актуальных задач совершенствования развитого социализма.

Т. Э. Эргашев, И. П. Полвонова

РИВОЖЛАНГАН СОЦИАЛИЗМ ШАРОИТИДА МЕҲНАТ ТАКСИМОТИДА ИҚТИСОДИЙ ҚОНУНИ ҚЎЛЛАШ ХУСУСИЯТЛАРИ

Мақола ривожланган социализмни такомиллаштириш босқичида меҳнат тақсимотининг иқтисодий қонунини самарали қўллашнинг баъзи назарий масалаларига бағишланган.

¹² Черненко К. У. На уровень требований развитого социализма, с. 15.

Д. И. БЕРНШТЕЙН

ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ВИД СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В условиях совершенствования развитого социализма еще более возросла роль дисциплины, порядка и социальной, в частности правовой, ответственности. Это с новой силой подчеркнуто Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко в его основополагающей теоретической статье «На уровень требований развитого социализма», где подчеркивается, что «вступление в этап развитого социализма — великое завоевание советского народа. Однако оно не означает, что ныне во всей нашей жизни, в каждой, так сказать, «клеточке» общественного организма полностью, последовательно и неукоснительно соблюдаются все социалистические принципы и нормы. Этого, как известно, мы еще не добились, не все задачи и проблемы у нас решены на уровне требований развитого социализма. Здесь общий корень тех многообразных проблем, к которым обращена сегодня мысль партии, ее Центрального Комитета»¹.

В статье указывается также на необходимость ужесточить спрос за расхлябанность и нарушения исполнительской дисциплины. Без строжайшей дисциплины, отмечает К. У. Черненко, самые прекрасные решения и намерения останутся лишь благим пожеланием.

Существенное значение в обеспечении строгой исполнительской дисциплины, неуклонного повсеместного соблюдения правовых принципов и норм нашего общества имеет и правильное, однозначное решение ряда спорных теоретических вопросов правовой ответственности.

1. Едва ли не самыми спорными в советской правовой науке являются вопросы о содержании, объеме и аспектах понятия правовой ответственности, о необходимых ее условиях, предпосылках, целях, механизме действия, допустимости ответственности без вины в гражданском праве и др. Дискуссия по некоторым вопросам, в частности о том, как понимать и трактовать правовую ответственность, ведется не только среди правоведов, но и между многими правоведами, с одной стороны, и философами, — с другой².

¹ Коммунист, 1984, № 18, с. 5.

² См., напр.: Косолапов Р., Марков В. Свобода и ответственность. М., 1969, с. 69—71; Фокина Н. И. Социальная ответственность как категория исторического материализма. Автореф. канд. дисс. М., 1971, с. 22; Ореховский А. И. Ответственность и ее социальная природа. Томск, 1978, с. 140—145; Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968, с. 24—30; Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законода-

Позиция автора по ряду этих вопросов изложена в отдельных статьях³ и автореферате диссертации⁴. Здесь же, исходя из высказанных нами ранее взглядов и соображений и развивая их, мы рассмотрим содержание и аспекты общего понятия правовой ответственности как вида социальной ответственности, ее обязательные предпосылки и условия.

Эти вопросы представляют особый интерес как исходные, основные в ряду других проблем теории правовой ответственности. Нерешенность до конца этих важнейших вопросов теории отрицательно сказывается и на решении тех задач социалистической законности, дисциплины и правопорядка, которые вытекают из постановлений ноябрьского (1982 г.) июньского и декабрьского (1983 г.), февральского и апрельского (1984 г.) Пленумов ЦК КПСС, выступлений и указаний Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко, решений XVI и XVII пленумов ЦК Компартии Узбекистана (1984 г.).

2. Для того, чтобы не ошибиться в решении кардинальных проблем ответственности, надо определить методологически верный путь исследования.

В правовой науке довольно глубоко изучены вопросы уголовной, гражданской, административной, дисциплинарной ответственности за правонарушения. С 60-х годов юристы предпринимают попытки исследования общего понятия правовой ответственности, ее проблем и принципов, общих для всего советского права. При этом на базе представлений об отраслевых видах ответственности синтезируются общее понятие и общие закономерности правовой ответственности.

«Теория ответственности должна быть твердо ориентирована на углубленное изучение действующего права», — пишет О. Э. Лейст⁵.

Этот метод исследования бесспорно полезен и необходим. Не знать и не учитывать действующее законодательство, теоретические разработки отраслевых видов правовой ответственности — недопустимо. Однако в изучении и исследовании общетеоретических проблем правовой ответственности этот метод не является единственным. Мы считаем на данном этапе исследования не менее, а, пожалуй, более плодотворным метод логического анализа, при котором правовую ответственность рассматривают как вид социальной ответственности и исследование начинают с выведения общего понятия ответственности (из соотношений категорий «необходимость» и «свобода»), его признаков, свойств, аспектов и выделения из него видового понятия правовой ответственности с особенностями, вытекающими из специфики правовых норм в ряду других социальных норм.

При синтезировании общего понятия правовой ответственности только на основе изученных отраслевых ее видов весьма трудно выявить те просчеты и ошибки, которые, возможно, были допущены при исследовании ответственности за нарушение отдельных видов правовых норм, ибо при этом методе исследования весьма трудно выйти за пределы уже видимого горизонта. Напротив, метод анализа, подход к изучению проблемы «сверху», с общесоциологических, философских

тельству. М., 1971, с. 42—43; Петелин И. А. Проблема правовой ответственности в социалистическом обществе. Омск, 1976, с. 9—16.

³ См., напр.: Бернштейн Д. И. К вопросу об ответственности за нарушение социалистических правовых норм.— Общественные науки в Узбекистане, 1964, № 12; Проблема т. н. ответственности без вины в советском праве.— Сб. статей аспирантов ТашГУ, 1964; Санкция правовой нормы и ответственность.— Там же; Социалистическая правовая норма и особенности ее охраны в современный период.— Правоведение, 1964, № 2, и др.

⁴ Бернштейн Д. И. Понятие ответственности за нарушение социалистических правовых норм и вина как неперемное условие ответственности. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1964.

⁵ Лейст О. Э. Теоретические проблемы санкций и ответственности по советскому праву. Автореф. докт. дисс. М., 1978, с. 14.

позиций позволит глубже проникнуть в суть феномена ответственности, снять противоречие между философским и юридическим подходом к этой проблеме и, во взаимодействии с приемом синтеза, решить правильное многие спорные вопросы, которыми сегодня так богата литература о правозой ответственности.

3. Ответственность — одна из важнейших общесоциологических категорий, которая находится в неразрывной связи с категориями необходимости и свободы. Среди них особое, ведущее место занимает категория необходимости. Она выступает на первый план уже потому, что является категорией материалистической диалектики, т. е. более широкой по объему, чем «свобода» и «ответственность», относящиеся к категориям исторического материализма.

Однако в рассматриваемом нами соотношении понятий «необходимость», «свобода» и «ответственность» нас интересует не общесоциологическое понятие «необходимость», не тот его широкий аспект, который имеется в виду при сопоставлении парных категорий «необходимость» и «случайность», а лишь та сторона, тот аспект необходимости, который имеет прямое отношение к закономерностям общественного развития, к поведению человека.

Ведущее положение категории «необходимость» в ряду сопоставляемых нами понятий определяется не столько тем, что необходимость — более широкое понятие, чем свобода и ответственность, а тем, главным образом, что необходимость выступает их предпосылкой.

Ответственность (личности, коллектива, организации) всегда и неразрывно связана с необходимостью соблюдения предписаний, правил поведения, подчинения, увязывания своего поведения с объективными законами природы и общества. Если нет необходимости в соблюдении каких-то норм, предписаний, то нет и ответственности. Ответственность, таким образом, означает прежде всего выбор такой линии поведения, которая соответствует необходимости.

Выбор ответственного варианта поведения предполагает свободу субъекта ответственности. Свобода есть сознательная, целенаправленная деятельность на базе познанной необходимости. Ответственность есть выбор, осуществление наиболее рационального способа действия (поведения, поступка) в условиях свободы. Свобода, таким образом, также является предпосылкой ответственности.

В философской литературе различаются природная необходимость (необходимый ход явлений, процессов в природе) и историческая (объективный, закономерный ход развития событий в общественной жизни). Мы полагаем, что следует различать еще социальный (или социально-нормативный) аспект необходимости как обязательный, должный общественный порядок, линию поведения, поступков людей, установленных предписаниями социальных норм.

Соответственно трем сторонам или аспектам необходимости можно и в общем понятии ответственности различать: ответственность, обусловленную природной необходимостью, ответственность, обусловленную исторической необходимостью, и, наконец, ответственность, обусловленную необходимостью соблюдать и исполнять требования социальных норм. Эту последнюю (социально-нормативную ответственность) можно определить как социальную ответственность в узком смысле слова, ибо в широком смысле слова любая ответственность социальна — это ответственность перед людьми, перед обществом.

Социальная ответственность в узком смысле слова⁶ тесно связана с ответственностью, вытекающей из природной и исторической необходимости. Последние образуют основу для социальной необходимости и соответственно основу для социальной ответственности. В конечном

---

⁶ Далее в тексте термин «социальная ответственность» применяется только в этом смысле.

счете, социальная ответственность — это продукт и природной, и исторической, и социальной необходимости. Поэтому исследование проблемы ответственности именно в этом плане имеет весьма важное значение.

В социальной ответственности следует различать два аспекта, два значения применительно ко всем социальным нормам: а) значение ответственности за исполнение обязанности, предусмотренной социальной нормой, и б) значение ответственности за нарушение обязанности, вытекающей из требований социальных норм. В обоих этих значениях понятие ответственности широко применяется в марксистско-ленинской литературе, постановлениях партийных органов, нормативных актах и в обычной речи.

Оба этих понятия имеют лишь кажущуюся абсолютную противоположность, несовместимость. В действительности они не только не исключают друг друга, а напротив, тесно, неразрывно связаны между собой.

Ответственность за исполнение означает обязанность субъекта ответственности: поступить в соответствии с требованиями прогрессивных, передовых социальных норм, выбрать наиболее оптимальный, наиболее рациональный вариант поведения, отчитаться за исполнение (если это требуется) и принять на себя последствия невыполнения или ненадлежащего выполнения своих обязанностей (т. е. претерпеть воспитательно-исправительное воздействие и возместить в той мере, в какой это возможно, причиненный ущерб).

Ответственность за нарушение требований социальных норм означает обязанность субъекта ответственности принять на себя последствия невыполнения или ненадлежащего выполнения требований социальной нормы, т. е. стать объектом осуждения, применения мер воспитательно-исправительного воздействия (претерпеть их) со стороны общества, государства, коллектива, социальной группы и т. д. (в зависимости от того, кем установлена данная норма и кто заинтересован в ее соблюдении) и своими действиями по возможности возместить, компенсировать причиненный ущерб.

Понятие ответственности за исполнение, таким образом, шире понятия ответственности за нарушение и охватывает его по содержанию.

Правовая ответственность как разновидность социальной ответственности обладает всеми общими признаками, свойствами, аспектами социальной ответственности и особыми признаками правовой ответственности, вытекающими из специфики правовых норм в ряду других социальных норм⁷. Правовая ответственность в социалистическом обществе соответственно обладает всеми родовыми признаками социальной ответственности и дополнительно чертами и свойствами, вытекающими из специфики социалистического строя, обеспечения и охраны правовых норм при социализме. Учитывая это, правовую ответственность в социалистическом обществе можно определить как обязанность всех лиц и организаций поступать (вести себя, строить свою линию поведения) строго в соответствии с предписаниями социалистических правовых норм, всегда быть готовыми отчитаться за исполнение своих правовых обязанностей перед государственными органами (или по их поручению — перед органами общественности), а в случае неисполнения (нарушения) или ненадлежащего исполнения претерпеть в целях перевоспитания и предупреждения подобных правонарушений меры

⁷ В юридической литературе постановку вопроса о широкой трактовке понятия правовой ответственности связывают с именем В. Г. Смирнова (см.: Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965, с. 78). В действительности вопрос этот впервые в юридической литературе был затронут Л. С. Галесником в рецензии на книгу «Вопросы теории права» (см. «Советское государство и право», 1962, № 6, с. 146). Более подробно он освещен и обоснован автором данной статьи в кандидатской диссертации «Понятие ответственности за нарушение социалистических правовых норм и вина как неперемное условие ответственности» (ТашГУ, 1964, с. 14—18).

воспитательно-исправительного воздействия со стороны государства (или, по его поручению, со стороны общественности) и возместить в установленном ими объеме причиненный ущерб.

Правовая ответственность за нарушение правовой нормы есть, таким образом, составная часть общего понятия правовой ответственности. Содержание понятия этого аспекта, срез правовой ответственности (за нарушение правовой нормы) может быть определено прежде всего как обязанность правонарушителя претерпеть предусмотренные правом субъективно неблагоприятные для него меры государственного принуждения или (вместо них, с санкции государства) иные меры государственного и общественного воздействия, применяемые к нему с целью перевоспитания, предупреждения подобных нарушений и возмещения причиненного ущерба.

Нынешняя острая полемика о содержании понятия правовой ответственности вызвана в значительной степени нечетким, неточным определением предмета дискуссии (асpekта правовой ответственности).

Для того, чтобы избежать терминологической путаницы и ситуаций, когда объект дискуссии каждый представляет по-своему, следует четко различать вытекающие из общесоциологической теории ответственности следующие аспекты, или срезы, общего понятия правовой ответственности.

Прежде всего следует видеть правовую ответственность в полном объеме понятия как **правовую ответственность за исполнение в широком смысле этого слова.**

Далее, в рамках этого понятия, в зависимости от объема содержания, следует различать: а) **правовую ответственность за исполнение в узком смысле слова** — как часть, аспект, срез полного объема понятия (т. е. без ответственности за нарушение); б) **правовую ответственность за нарушение** как вторую часть полного объема понятия правовой ответственности — как ответственность за правонарушение, реализуемую в различных формах применения мер государственного и общественного воздействия к правонарушителю (**правовая ответственность за нарушение в широком смысле**) и в) **правовую ответственность за нарушение, реализуемую путем применения к правонарушителю только мер государственного принуждения (правовая ответственность за нарушение в узком, собственном смысле слова, юридическая ответственность).** Именно эту ответственность целесообразно определять как юридическую, ибо здесь реализуются специфические, собственно правовые меры воздействия (меры государственного принуждения).

Все эти аспекты правовой ответственности существуют в неразрывном единстве, составляют единое целое, но каждый из них имеет важное значение в качестве самостоятельного объекта исследования.

Применяемая сейчас в литературе трактовка аспектов социальной ответственности, в том числе правовой, как активной (позитивной, проспективной) и как пассивной (негативной, ретроспективной)⁸ — неудачна, ибо не отражает подлинного соотношения этих аспектов ответственности, оставляет в тени их единство, акцентирует внимание на противопоставлении⁹, искажает направленность, роль ответственности

⁸ См., напр.: Недбайло П. Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм.— Правоведение, 1972, № 3, с. 50; Назаров Б. Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976, с. 240—249; Астемиров З. А. Понятие юридической ответственности.— Советское государство и право, 1979, № 6, с. 63; Строгович М. С. Сущность юридической ответственности.— Советское государство и право, 1979, № 6, с. 78, и др.

⁹ Некоторые авторы вообще отрицают какую-либо связь между этими аспектами (см., напр.: Петелин И. А. Указ. соч., с. 9—12). Другие, признавая лишь отдаленную связь, отрицают их единство и подчеркивают существенные различия по содержанию и целям (см.: Лейст О. Э. Указ. соч., с. 24—25). Третьи видят эти аспекты в единстве, но в виде двух взаимоисключающих противоположностей (см.: Бутнев В. В. Юридическая ответственность как форма социальной ответственности

ти за нарушение. Последнее особенно касается так наз. ретроспективной ответственности. Она означает ответственность, обращенную в прошлое. Между тем ответственность за нарушение социальных норм в социалистическом обществе вообще и ответственность за правонарушения, в частности, хотя и основаны на анализе и оценке уже совершенного проступка, своим острием направлены в будущее и только в будущее. Ни кара, ни вообще наказание не являются целями ответственности за правонарушение. Направленность, цель ответственности обращены в будущее — к предупреждению правонарушений. А воздействие на правонарушителя, в том числе его наказание (в уголовном праве — кара), есть средство перевоспитания правонарушителя и сдерживания лиц, склонных к совершению подобных правонарушений. Поэтому термин «ретроспективная ответственность» представляется нам неприемлемым применительно к ответственности в социалистическом обществе¹⁰.

Ответственность за правонарушение в социалистическом обществе обращена, повторяем, в будущее и объективно носит активный, позитивный характер. Поэтому противопоставлять активной, позитивной ответственности некую негативную, ретроспективную и проч.— нет никаких оснований. Неслучайно в работах В. И. Ленина, в решениях партийных съездов и Пленумов ЦК КПСС, выступлениях руководителей партии и правительства, в законах, постановлениях и т. д. не говорится об этих аспектах, а только об ответственности за исполнение и ответственности за нарушение, причем не в порядке их противопоставления, а в их неразрывной связи, в переходе одного аспекта в другой в необходимых случаях. Например, В. И. Ленин указывал: «Нужно назначить определенных лиц на определенную ответственную работу, нужно, чтобы каждый из этих лиц знал определенно свое дело, определенно отвечал за него, будучи ответственным вылоть до расстрела»¹¹.

Сопоставляя основные аспекты, или срезы, правовой ответственности — ответственность за исполнение (в собственном смысле слова) и ответственность за нарушение,— сравнивая значение их реализации на практике, следует отметить, что важнейшую роль в обеспечении социалистического правопорядка, законности и дисциплины играют изучение практики и разработка мероприятий по усилению ответственности за исполнение. Этой стороне ответственности в теории и практике следует уделять первостепенное внимание¹². Между тем до настоящего времени аспект ответственности за исполнение остается вне поля зрения исследователей правовой ответственности. Необходимо переориентировать правовую науку и практику на разработку мероприятий по профилактике правонарушений не по фактам уже совершенных правонарушений (эта работа была и остается очень важной), а с целью предупреждения возможных нарушений норм права путем создания такого законодательства, рекомендации таких мер экономического и организационно-правового характера, внедрения таких форм контроля и отчетности, таких форм участия общественности в обеспечении социалистического правопорядка, которые перекрыли бы любые лазейки и ходы для хищений, злоупотреблений и тому подобного, сделали бы их невозможными без очевидного, явного саморазоблачения виновных.

Такой вывод вытекает из рекомендаций, содержащихся в речи К. У. Черненко на Всесоюзном совещании народных контролеров 5 ок-

---

в современную эпоху развитого социализма.— В сб.: Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство, Ярославль, 1979, с. 57).

¹⁰ См. об этом: Грюнбаум А. Свобода воли и законы человеческого поведения.— Вопросы философии, 1970, № 6, с. 71—72; Лейст О. Э. Позитивная ответственность по советскому праву.— Вестник МГУ, 1977, № 1, с. 3.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 401.

¹² Нашу прежнюю точку зрения по этому вопросу, изложенную в 1964 г. в кандидатской диссертации (с. 18—19), следует признать ошибочной.

тября 1984 г.: «Работа контролера не может исчерпываться тем, чтобы выявлять большие и малые огрехи в нашей жизни и не давать спуску виновным...

Своевременно замечать упущения, предупреждать их перерастание в крупные срывы — вот что особенно важно. Упор надо делать на то, чтобы самым тщательным образом изучать причины неполадок, злоупотреблений. Изучать и на этой основе коллективно добиваться мер, способных предотвратить негативные явления»¹³.

На активную работу в этом направлении в целях глобальной и эффективной профилактики правонарушений и ориентирует нас понимание правовой ответственности не только как ответственности за нарушение, а прежде всего как ответственности за исполнение правовых норм. В этом важное практическое значение правильной трактовки, понимания общего понятия и аспектов правовой ответственности.

4. Важной и еще не решенной до конца проблемой в теории правовой ответственности остается также вопрос об обязательных предпосылках и условиях ответственности. Некоторые исследователи высказывают, в частности, прямо противоположные точки зрения по вопросу о том, является ли свобода воли необходимой предпосылкой ответственности за противоправные поступки¹⁴. И здесь, на наш взгляд, причина противоречия — в теоретической недоработке содержания и аспектов тех понятий, соотношение и взаимосвязь которых служат объектом исследования. Нельзя не согласиться с Д. А. Керимовым, который, говоря о причине противоположных взглядов на свободу воли как условие ответственности, заметил: «Рассуждая о свободе и ответственности в юридическом смысле, мы пытаемся, минуя посредствующие звенья (которые еще не обнаружены), прямолинейно решить проблему. Между тем абстрактно-философское понятие свободы не только восходит к многообразию конкретного через ряд посредствующих звеньев, но и проявляется различно на различных уровнях, «срезах», направлениях»¹⁵.

Мы считаем недостающими посредствующими звеньями, с помощью которых можно «снять», разрешить целый ряд противоречий и нерешенных проблем в теории ответственности, в частности в вопросе об обязательных предпосылках и условиях правовой ответственности, те срезы правовой ответственности, которые отмечены нами выше, и те аспекты, срезы понятия свободы, о которых речь пойдет ниже.

В философской литературе понятия «свобода» и «свобода воли», как правило, не разграничиваются¹⁶. Лишь отдельные авторы вскользь, мимоходом затрагивают вопрос об их различии и соотношении¹⁷.

Отсутствие четкого разграничения приводит к тому, что некоторые авторы отождествляют эти понятия. Например, И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшин отождествляют понятия свободы и свободы воли, но при этом различают два аспекта свободы воли¹⁸.

Мы полагаем, что из известного высказывания Ф. Энгельса о свободе и свободе воли¹⁹ и других высказываний²⁰ можно сделать вывод, что понятия эти не тождественны, а различны, и соотносятся они как целое и его составная часть. Свобода, как уже отмечалось, есть сознательная, целенаправленная деятельность на базе познанной необходимости. Свобода воли есть «способность принимать решения со зна-

¹³ Черненко К. У. Высокий гражданский долг народного контролера. Речь на Всесоюзном совещании народных контролеров 5 октября 1984 года. М., 1984, с. 9—10.

¹⁴ См., напр.: Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Указ. соч., с. 22; Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972, с. 466—567; Базылев Б. Т. Ответственность в советском праве. Красноярск, 1977, с. 14.

¹⁵ Керимов Д. А. Указ. соч., с. 468.

¹⁶ См., напр.: Косолапов Р., Марков В. Указ. соч., с. 65, 72.

¹⁷ См., напр.: Ойзерман Т. Н. Марксистско-ленинское понимание свободы. М., 1967, с. 51.

¹⁸ См.: Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Указ. соч., с. 21—24.

нием дела» (Ф. Энгельс), т. е. способность и возможность сознательного выбора одного из нескольких вариантов поведения. Свобода включает в себя свободу воли и без нее невысказана.

Свобода — неперемнная предпосылка, или условие, ответственности за исполнение предписаний социальных норм.

Свобода воли как составная часть свободы также служит неперемнным условием ответственности за исполнение. Как отмечает А. П. Черемнина, «ответственность — это необходимое для общества ограничение свободной воли и в то же время выражение творческой активности личности, т. е. свободы воли»²¹.

Что касается ответственности за нарушение как среза ответственности за исполнение, то свобода (в полном объеме этого понятия) не является обязательной, неперемнной предпосылкой этой ответственности (за нарушение социальных норм). Хотя познанная необходимость, наличие свободной воли создают все объективные условия для должного, ответственного поведения, это не исключает того, что человек может быть свободен (т. е. знать, как он должен поступить, иметь возможность выбрать должный вариант поведения), однако не использовать эту возможность, а сознательно, злонамеренно поступить вопреки должному поведению, во вред обществу. Это — злоупотребление свободой. В. Е. Давидович удачно определил такую свободу как «усеченную», «поверхностную», как «свободу нравственного падения»²².

Неперемнной предпосылкой ответственности за нарушение социальных норм выступает лишь свобода воли. Свобода (как общее понятие) невысказана без свободы воли, но не сводится к ней. Свобода подразумевает, включает в себя: 1) знание необходимости, 2) деятельность на основе познанной необходимости, 3) способность и возможность выбора одного из нескольких вариантов поведения, т. е. свободу воли.

Свобода воли как свобода выбора может иметь место и тогда, когда необходимость до конца не познана, но могла быть познана субъектом. Иначе говоря, можно обладать способностью (потенциальной возможностью) принимать решение со знанием дела, но не знать должным образом дела. В таком случае мы можем сказать: субъект обладает свободой воли, но он не свободен («мнимая свобода», не свободен в полном объеме этого понятия). Если же у субъекта не было и самой возможности познать необходимость, то в этом случае не может быть и речи о свободе выбора, о способности принять решение со знанием дела.

Таким образом, свобода воли выступает как предпосылка ответственности за нарушение и тогда, когда необходимость была познана, и тогда, когда необходимость не познана или не познана до конца, но у субъекта была реальная возможность познать необходимость. Ответственность поэтому наступает не только тогда, когда лицо предвидело вредные последствия своих действий, но и тогда, когда не предвидело, однако в тех конкретных обстоятельствах могло и должно было их предвидеть.

Следовательно, предпосылкой ответственности за нарушение может быть и полная свобода (свобода) и частичная свобода (свобода воли). Во всех этих случаях свобода воли служит обязательной предпосылкой ответственности за нарушение.

Однако данная обязательная предпосылка сама по себе еще не есть неперемнное условие для привлечения к ответственности. Дело в том, что свобода воли не является специфическим условием ответ-

¹⁹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 116.

²⁰ См., напр.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 115; т. 21, с. 82.

²¹ Черемнина А. П. Проблема ответственности в современной буржуазной этике. — Вопросы философии, 1962, № 2, с. 87.

²² Давидович В. Е. Грани свободы. М., 1969, с. 181—182.

ственности за нарушение, ибо свобода и свобода воли как ее составная часть прежде всего выступают как предпосылки должного, ответственного поведения, соответствующего предписаниям социальных норм. Специфическое условие ответственности за нарушение (т. е. условие только этой ответственности) — вина — психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершенному им антиобщественному деянию и его последствиям.

Понятие вины как специфического обязательного условия ответственности за нарушение социальных норм, таким образом, выводится из понятия свободы: лицо знало необходимость или имело возможность познать ее, обладало способностью и возможностью принять должное решение со знанием дела и из нескольких вариантов поведения выбрать наиболее оптимальный вариант,— но не сделало этого, и потому оно виновно. Эта вина и есть необходимое специфическое условие ответственности за нарушение социальных, в том числе правовых, норм.

Итак, вывод о том, что вина есть непереносимое, обязательное условие ответственности за правонарушения, естественно вытекает из философской и правовой теории ответственности и еще раз подтверждает правильность обоснований и выводов тех ученых-юристов, которые категорически отрицают возможность и допустимость ответственности без вины в советском гражданском праве и предлагают внести необходимые коррективы в действующее законодательство.

Д. И. Бернштейн

ҲУҚУҚИЙ ЖАВОБГАРЛИКНИНГ СОЦИАЛ ЖАВОБГАРЛИК СИФАТИДА КЎРИНИШИ

Мақолада ҳуқуқий жавобгарлик умумий тушунчаси ва моҳияти социал жавобгарликнинг мажбурий асоси ва шарт-шароитининг бир кўриниши сифатида фикр баён этилади.

Ш. А. ИКРАМОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ ПОВЕДЕНИЯ

Задачи дальнейшего совершенствования социалистической личности, формирования нового человека, поставленные в решениях XXVI съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК КПСС, требуют углубленного научного подхода к проблеме прогресса культуры и социально-этического развития. Поэтому ныне, как никогда ранее, актуальны слова К. Маркса: «...Для того, чтобы пользоваться множеством вещей, человек должен быть... в высокой степени культурным человеком»¹.

Значимость воспитания советских людей в духе высокой культуры поведения, соответствующей нынешнему этапу развитого социализма и задачам формирования нового человека, подчеркнута в работе К. У. Черненко «На уровень требований развитого социализма».

Культура — весьма сложное структурное образование, пронизывающее все сегменты социальной жизни, всю деятельность человека, поведение каждой личности.

Если говорить о таком специфическом «срезе» культуры, как культура поведения, то ее механизмы реализуются прежде всего в приобщении человека к принятым в обществе нормам и стандартам поведения в процессе взаимодействия индивидов в различных социальных общностях. Речь идет об определенной стереотипизации поведения, сочетающейся с органическим усвоением общечеловеческих и социально-конкретных правил поведения и доводимой до степени практической общепринятости. Но значит ли это, что культура поведения может быть

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 386.

полностью редуцирована к этикетной процедуре, отождествлена с так называемой «воспитанностью» личности?² Думается, что проблема культуры поведения более многомерна и включает множество аспектов.

«Кристаллической решеткой» культуры поведения, скрепляющей водно все многообразие ее непосредственных проявлений, служат принципы коммунистической морали. М. С. Ходаков справедливо отмечает, что главное в культуре поведения — это соотношение личных и общественных интересов, умение мотивационно подчинить свое поведение соображениям общественного блага³. Но принципы коммунистической морали дают, как известно, общую социальную ориентацию поведения, будучи его стратегией, своеобразной программой деятельности⁴. Наряду с этим существует и «тактический план», в той или иной степени «приземленный», в котором воплощаются различные аспекты непосредственного, каждодневного бытия людей, поведенческие поступки и действия личности в житейских ситуациях. Так, простые нормы и правила поведения, особенно различного рода оттенки вежливости (корректность, любезность, учтивость, деликатность) носят частный, локальный характер.

Однако и чисто этикетные предписания представляют собой тот уровень «являемости» личностного поведения, на котором отражаются существенные характеристики конкретного общества. Этикет зависит от существующей классовой морали, несмотря на все случаи «видимости» и «кажмости» подobia поведения в противоположных социальных системах, ибо люди зачастую ездят в метро, ведут себя за завтраком и т. п. весьма сходным образом, скажем, в Москве и в Париже⁵.

Действительно, разного рода этикетные установления, кодификации должны быть наполнены подлинно нравственной информацией, ориентированы на высшие ценности коммунистической морали. Именно это является условием искренности человеческих контактов, освобождения их от налета фальши буржуазных атрибутов показной вежливости и обхождения. Поведение, рассчитанное лишь на внешнюю рисовку, пресловутое «паблисити», подыгрывание блеску и мишуре, свершаемое «так вежливо, что совсем уже не вежливо», насквозь пропитано «философией» и «этикой» угодничанья, подмазывания, лести, лицемерия и различных поведенческих трюкачества.

Говоря о правилах этикета и имея в виду нормальное и аморальное поведение в его границах, следует выделять два уровня усвоения личностью общепринятых форм и способов поведения — уровень **стиля поведения** и уровень **манер поведения**. Принципиальная разница

² Подобную точку зрения в последнее время наиболее отчетливо воспроизвела Е. И. Кульчицкая. «Культура поведения,— пишет она,— это умение вести себя в соответствии с правилами этикета дома, в быту, в общественных местах» (См.: Кульчицкая Е. И. Родителям о воспитании культуры детей. Киев, 1980, с. 6). Близки к этому воззрению и другие авторы. Ср.: Додон Л. Л. Культура поведения советского молодого человека. Л., 1958; Леснова З. В., Рябушкин Н. В. О культуре поведения советского молодого человека. Иваново, 1960; Асамаа Н. Как себя вести. Таллин, 1971; Этикет. Воспитанность. Личность. Алма-Ата, 1975; Тарасенко А. А. Общественное мнение и поведение личности. Минск, 1975; Волченко Л. Б. Нравственность и этикет. М., 1976; Чернокозова В. Н. Этика молодого человека. Ростов-на-Дону, 1976, и др. Разумеется, это не отрицает саму попытку развить далее некоторые социально-практические аспекты культуры поведения, в частности в направлении уточнения различных способов ее повседневной реализации в современных условиях. См., напр.: Агаронян А. С. Культура поведения. Ташкент, 1979.

³ Ходаков М. С. Мораль и культура поведения. М., 1976.

⁴ См.: Марксистская этика. М., 1980, с. 191.

⁵ На эту сторону проблемы обращает внимание М. Н. Руткевич. Сведение образа жизни личности только к повседневному, обыденному поведению, по его мнению, неправомерно, ибо ведет к затушевыванию качественных различий между социалистическим и буржуазным образом жизни. См.: Руткевич М. Н. Социалистический образ жизни и его развитие.— Вопросы философии, 1975, № 11, с. 48.

между ними состоит в том, что манеры поведения — это чисто внешние образчики, лишенные глубинной связи с нравственным содержанием и возникающие обычно в тех случаях, когда человеку не достает личностного потенциала, чтобы выявить свою неповторимость и своеобразие, а также в тех ситуациях, когда он пытается за видимостью благообразного поведения скрыть свои безнравственные намерения. Стиль же поведения — это аутентичное, органически оригинальное поведение, структура которого вырастает из корня нравственного содержания личности.

Какие же функции действительно обеспечивает культура поведения?

На наш взгляд, во-первых, коммуникативную, облегчая взаимодействие и взаимопонимание людей, делая их общение информативно оптимальным; во-вторых, — ориентирующую, направляя и проводя личность через мир нравственно-культурных ценностей; в-третьих, — мотивационную, создавая направленность интереса к важнейшим элементам нравственного поведения; в-четвертых, — оценочно-императивную, осуществляя в определенном смысле «наведение» способов и форм поведения по «мерке должного», а также полевая подчиняться регламентациям; в-пятых, — воспитательную, поддерживая социализацию личности в этическом аспекте; в-шестых, — регулятивную, осуществляя моральное регулирование поведения в отличие, скажем, от правового; в-седьмых, — прогностическую, проектируя оптимальные модели поведения людей с точки зрения будущего и тем самым обладая определенной побудительной силой.

В соответствии с этим могут быть обозначены и основные сферы функционирования культуры поведения⁶.

Первая — сфера открытого вербального, т. е. словесного действия. Сюда относятся разнообразные межличностные отношения, проявляющиеся в целом комплексе различных сред (производственной, социально-бытовой, семейной, среды общественных организаций, всевозможных любительских объединений и т. д.). В этой сфере механизмы реализации культуры поведения связывают индивидов в плоскости малых групп, неформальных структур (коллеги, товарищи, родственники, соседи).

Вторая — сфера опосредованного действия. Здесь культурно-поведенческие нормы и стереотипы действуют исключительно согласованно с нормами политического и юридического порядка. Это значит, что различные составные элементы культуры поведения «пропускаются» через конкретное содержание политических программ, решений, призывов и правовых актов.

Третья — сфера необходимо солидарного, совместного действия. Эта область функционирования культуры поведения включает те межличностные правила и способы общения, которые прямо соотносятся со строго упорядоченной системой производственно-деловых взаимодействий, вбирая различные уровни, начиная от осуществления технологических функций по преобразованию предметов окружающего мира и кончая правилами служебного поведения и делопроизводства (например, языково-грамматические правила оформления официальной документации и др.).

Понятие «культура поведения» имеет несколько «срезов», «сечений», в плоскости которых располагаются, во-первых, элементарные правила поведения, вне которых никакое человеческое общение вообще невозможно; во-вторых, общие правила культурного поведения внеморального подряда (например, так называемая «грамматика воспитанности» — нормы приличия, благопристойное поведение, хороший тон и т. п.); в-третьих, межличностные, социально-психологические

⁶ За основу данной классификации нами взята схема характерных особенностей социального функционирования морали, предложенная авторами монографии «Предмет и система этики» (М.—София, 1973, с. 257—259).

формы и способы поведения, в которых воплощается гармоническое соответствие духовных запросов личности с их внешним проявлением в общении; в-четвертых, поведенческие требования к нравственному облику личности в сфере социальной деятельности, производные от господствующей в обществе системы моральных ценностей.

Что же следует включать в само понятие культуры поведения? Нам представляется неудачной попытка акцентировать чисто количественную сторону культуры поведения, умножая число составляющих ее элементов. Гораздо плодотворнее развернуть анализ этого феномена в различных сферах социальной деятельности и межличностных отношений, где он практически реализуется. С этой точки зрения можно говорить о культуре поведения на производстве, в семейно-брачных отношениях, о культуре отдыха, чувств, речи, общения в типичных для общества ситуациях. Соответственно такое сопряжение культуры поведения с классификацией видов человеческой активности может быть далее развернуто по социально-профессиональным, социально-демографическим, этическим и другим критериям.

Нуждается в дальнейшем исследовании сам механизм морального «понуждения» личности к выполнению поведенческих предписаний, включающий в отличие от правового регулирования более мягкие формы воздействия (сила примера, групповое поощрение или осуждение, воспитательное и просветительное воздействие с целью знакомства с определенными представлениями о формах поведения и т. д.). Однако и такая регуляция по сути своей нормативна, поскольку обязательно включает поведенческие фиксации — устоявшиеся (писанные или неписанные) правила, предписания, запреты, различного рода оценки и критерии их вынесения, которые внеположны по отношению к конкретно-личностной индивидуальной линии поведения, хотя они и подлежат «овнутренню» каждой личностью. В этом смысле они могут быть определены как индивидуально-массовые действия и поступки⁷. Часть этих этических требований носит неинституционный характер. Это, конкретно, — ряд неофициальных или полуофициальных механизмов воздействия (обычай, общественное мнение).

Особое место в структуре поведенческих правил и предписаний занимают идеальные модели поступков, или образцов, поскольку для практической реализации культуры поведения недостаточно одних только запретов, клише и шаблонов. Необходима также побудительная сила идеального опережения, ценностного превосходства предлагаемой модели перед всеми остальными. Переживание же поведенческой «максимы», эмоциональное отношение к ней лежит в основе культуры поведения, ибо только в этом случае устанавливаемое моральным сознанием детерминирует поведение личности, переводит внешние требования во внутренние побуждения к нему.

В последнее время особую актуальность обрело исследование культуры поведения в контексте развивающегося образа жизни.

Прежде всего следует соотнести сами понятия — культура поведения» и «образ жизни». Их взаимосвязь прослеживается в нескольких аспектах.

Образ жизни — это устоявшиеся и типичные для данных социальных отношений формы повседневной человеческой жизнедеятельности, которые находят свое практическое выражение не только в нормах общения и складе мышления, но и в общих чертах поведения личности, следовательно, и в культуре ее поведения. При этом последняя, как и образ жизни, вбирает в себя сложную диалектику индивидуального и надындивидуального, социально-типизированного, унифицированного и

⁷ Этот весьма удачный термин применительно к нравственному сознанию мы встречаем в уже упомянутой книге: Предмет и система этики. М.—София: Наука и искусство, 1973, с. 191.

⁸ Толстых В. И. Образ жизни как социально-философское понятие.— Вопросы философии, 1974, № 12.

индивидуально-уникального в поведении человека. По этой причине здесь возможны различные варианты — когда образ жизни социальной группы предопределяет образ жизни личности и соответственно культуру поведения, и когда цельность человеческого характера, ярко выраженная индивидуальность сказываются на образе жизни окружающих, передаваясь им, в конечном счете постепенно «оседая», закрепляясь в культурных «образцах», «правилах», формах общения и поведения.

Сопряжение проблем культуры поведения и образа жизни может быть произведено через анализ такого объективного фактора, как культурная среда. Если не ограничивать культуру лишь аспектами образованности и приобщения человека к духовным ценностям, а рассматривать ее широко, как уровень наличных условий развития личности, как степень господства людей над своими отношениями и, следовательно, как степень «очеловеченности» их взаимоотношений (а равно и как способ включения в процесс взаимодействия с внешней средой)⁸, то в этом своем значении она входит и в содержание образа жизни, а одновременно охватывает весь комплекс общественно санкционируемых поведенческих норм и стиль общения, т. е. собственно культуру поведения. В этом смысле образ жизни всегда представляет собой достигнутый уровень культуры поведения.

Культура поведения, со своей стороны, показывает, как именно социальная конкретность общества преломляется в непосредственной повседневной жизнедеятельности людей, социальных групп и отдельных индивидов. Такое же методологическое значение имеет и понятие образа жизни.

«Перекрестное» познавательное значение этих двух понятий (культуры поведения и образа жизни) велико в том отношении, что именно через анализ культуры поведения как один из критериев образа жизни может быть прослежен самый процесс превращения многих, еще только формирующихся личностных проявлений поведения в его действительную и цельную направленность. На этом пути может быть построена, в частности, сложная и многоступенчатая структура конкретных культурных отношений личности, отнюдь не ограничиваемая рамками этикетной воспитанности, а также свободная от механического переноса на культуру поведения советского человека различных поведенческих предписаний неморального порядка (таких, как такт, хорошие манеры, «светскость» и др.). В этом случае культура поведения принимает вид объективности внеличностных форм и ориентирует поведение соответственно конкретно-историческим обстоятельствам образа жизни различных социальных групп.

Это тем более важно, что в современную эпоху растут возможности личностной вариантности поведения, при которой его различные «приметы», как элементы прошлого или устоявшиеся черты повседневности, трансформируются, отходя на задний план и даже отрицаются, исчезая вовсе. В этом сказываются диалектика реальной жизни, ее неустанный ход и развитие. Естественно, однако, что наполнение культуры поведения личности социалистического типа богатством разносторонних общественных связей должно быть свободно от черт элитарности, выпренности, идеологически чуждых социализму элементов. В число ее важнейших определителей должны входить передовое мировоззрение, коммунистическая идеология, политика рабочего класса и его партии.

Далее, говоря о культуре поведения, следует всячески акцентировать ту мысль, что «поведение, оцениваемое с точки зрения морали, по своему результату положительно, может иметь в своей основе различные мотивы и неодинаковое нравственное достоинство»⁹. Поэтому

⁹ Кротов Н. Н. Мораль в действии. М., 1977, с. 9.

так важен анализ поведения личности с учетом всего множества его мотивов. Здесь в определенном смысле действует правило: по-настоящему культурный человек — не тот, кто не совершает безнравственных поступков, а тот, кто вообще не может совершать их по отношению к любым жизненным ситуациям и коллизиям.

Если характеризовать перспективные направления исследования культуры поведения, то, на наш взгляд, они располагаются в плоскости междисциплинарного изучения. Только расширяя область пограничности, совмещая различные ракурсы анализа, можно уйти от излишнего «методологизирования» и «абстрагирования» и продвинуться к реальному осмысливанию фактических жизненных ситуаций, выработке четких социально-культурных и социально-этических ориентаций поведения. В частности, совмещение таких углов зрения, как этического, педагогического и психологического, равно как и других триад (этика, социальная психология, эстетика; социология, этика, психология), даст возможность вычленить уровни подлинной культурной воспитанности личности, зафиксировать специфику различных воспитательных средств и приемов.

Ш. А. Икрамов

ХУЛҚ МАДАНИЯТИ МАСАЛАСИНИ УРГАНИШГА ОИД

Мақолада янги кишини шакллантиришнинг актуал муаммоларидан бири — хулқий маданият моҳияти ва унинг янада чуқур ўрганиш масалалари ўз аксини топган.

К 40-летию Великой Победы

М. Ш. КАСЫМОВА

**БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ ТРУДЯЩИХСЯ УЗБЕКИСТАНА
В ВОССТАНОВЛЕНИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНЫХ
РАЙОНОВ СТРАНЫ**

В нынешнем году исполняется 40 лет Великой Победы советского народа над германским фашизмом. В постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» подчеркивается, что наша Победа убедительно продемонстрировала могучую силу советского патриотизма, дружбы и братства народов нашей многонациональной Родины.

Одним из ярких проявлений массового патриотизма и интернационального единства народов СССР в годы Великой Отечественной войны стало организованное и возглавленное Коммунистической партией поистине всенародное патриотическое движение за оказание всеобщей помощи в возрождении народного хозяйства прифронтовых и освобожденных от врага районов страны.

Отступая под ударами Советской Армии, гитлеровские войска варварски разрушали, грабили и сжигали города, села, предприятия, колхозы и совхозы. Народное хозяйство освобожденных от оккупантов районов надо было воссоздавать в сущности заново, и делать это приходилось в сложнейших условиях военного времени, невзирая на все трудности и лишения.

Уже в 1942—1943 гг. партия и правительство разработали и настойчиво претворяли в жизнь целую систему неотложных мер по оказанию помощи районам, пострадавшим от войны и фашистской оккупации, восстановлению их народного хозяйства, налаживанию мирной жизни населения.

В те дни «Правда» писала: «Восстановление освобожденных районов — дело огромной государственной важности. Возрождение опустошенных гитлеровцами земель, — притом в самый короткий срок, — дело чести для всей нашей страны, для каждого из нас... Вся страна протягивает братскую руку помощи пострадавшим от немецкого захватчика районам. Инициатива масс возникает стихийно, неудержимо, поднимается волною со всех сторон»¹.

Все братские республики Союза приложили поистине героические усилия, чтобы быстрее возродить жизнь на освобожденных землях. Помощь советских людей освобожденным районам выражалась в добровольном сборе средств, одежды и продовольствия; в изыскании излишков техники, оборудования, материалов за счет их экономного использования, улучшения технологии производства и повышения квалификации рабочих; в досрочном выполнении государственных заказов для освобожденных районов; в изготовлении сверхплановой продукции; в шефстве над предприятиями, городами, районами, областями и т. д.

Трудящиеся Узбекистана, например, шефствовали над многими предприятиями Ленинграда, оказывали помощь в восстановлении Подмосковского угольного бассейна, установили шефство над Днепропет-

¹ Правда, 1943 г., 19 февраля.

ровской областью, помогали в восстановлении шахт Донбасса и железнодорожных сооружений Сталинграда. Коллектив завода «Ташсельмаш» организовал шефство над Ростовским заводом «Сельмаш», энергетики Узбекистана — над электростанциями Украины и Белоруссии, шахтеры Ангрена — над донецкими шахтерами, «Текстильмаш» — над текстильными предприятиями освобожденных районов, Чирчикский электрохимический комбинат — над Днепродзержинским азотно-туковым заводом и т. д.

Одним из важнейших направлений деятельности партии и правительства было восстановление в освобожденных районах в кратчайшие сроки органов Советской власти, партийных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций. И в этой большой организационно-политической работе немалая помощь была оказана национальными республиками, в том числе Узбекистаном.

В 1943—1945 гг. из Узбекистана было откомандировано несколько групп ответственных партийных работников для их использования на партийной и советской работе в освобожденных районах страны. Только на Украину осенью 1943 г. было возвращено и направлено более 1300 партийных, советских, хозяйственных работников и специалистов².

На заседаниях бюро ЦК ЛКСМУз, бюро обкомов, горкомов и райкомов комсомола намечались кандидатуры комсомольцев, направляемых в освобожденные районы на комсомольскую и пионерскую работу. Это были студенты, учащиеся школ и ремесленных училищ, рабочая молодежь, проявившие себя как комсомольские активисты. Так, с апреля по ноябрь 1943 г. в освобожденные районы РСФСР, Украины и Белоруссии было направлено несколькими группами свыше 400 комсомольцев³. Летом 1944 г. только на Украину было направлено на комсомольскую работу более 120 человек⁴.

Партийная организация и правительство республики провели большую организационно-хозяйственную работу по реэвакуации в освобожденные районы промышленных кадров и специалистов сельского хозяйства. Надо было обеспечить специалистов и членов их семей продуктами питания в пути следования, а также транспортом. Все расходы, связанные с переездом их на новые места, государство брало на себя. Отъезжавшие получали единовременные пособия. Более 13 тыс. специалистов железной дороги были откомандированы из Узбекистана в 1943—1944 гг. на работу в освобожденные районы страны⁵.

В 1944 г. 16 тыс. семей фронтовиков выехали из республики в освобожденные районы. Среди них было много врачей, инженеров, техников, ученых, учителей и т. д.⁶

На предприятия, стройки и железные дороги Донбасса, Киева, Ленинграда, Урала в 1943—1945 гг. выехало 15 тыс. воспитанников школ трудовых резервов Узбекистана⁷.

Подлинно всенародный размах приняло в Узбекистане движение за оказание помощи освобожденным районам личными сбережениями трудящихся. Инициаторами этого движения в республике выступили бригадный механик Шерабадской МТС О. Чехемов, внесший в фонд помощи освобожденным районам 10 тыс. руб., и тракторист Рузиев, внесший 15 тыс. руб.⁸ Почин шерабадцев был широко подхвачен трудящимися республики.

Большая помощь в восстановлении стальных магистралей осво-

² ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 19, д. 25, л. 62.

³ Там же, ф. 15, оп. 25, д. 4238, л. 1—24.

⁴ Там же, д. 4196, л. 1, 30, 45, 48, 55, 60, 104, 131, 149, 216.

⁵ Там же, ф. 58, оп. 20, д. 978, л. 116.

⁶ Там же, оп. 21, д. 228, л. 2.

⁷ Узбекистан в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Ташкент, 1966, с. 112.

⁸ История Узбекской ССР. Т. 4. Ташкент, 1968, с. 144.

божденных районов была оказана железнодорожниками Узбекистана. Уже в годы войны силами работников Ташкентской железной дороги было восстановлено, отремонтировано и передано освобожденным дорогам 40 тыс. товарных и 3,5 тыс. пассажирских вагонов⁹, а также около 600 эвакуационных вагонов. Были сформированы для производства ремонта вагонов 3 вагоноремонтные колонны с контингентом рабочих 209 человек и 2 колонны (по 100 человек) из основного штата дороги¹⁰.

Вся страна принимала участие в восстановлении города-героя Сталинграда. Комсомол страны взял над ним шефство. По решению ЦК ЛКСМУз от 18 мая 1943 г., молодежь Ташкента направила в Сталинград отряд добровольцев-строителей в количестве 320 человек во главе с секретарем Ташкентского обкома ЛКСМУз. Комсомольцы Ташкентской области взяли шефство над крупнейшим предприятием города-героя — металлургическим заводом «Красный Октябрь»¹¹.

Осенью 1943 г., когда был освобожден Харьков, по всему Узбекистану прошли митинги и собрания, посвященные этому радостному событию. Общее собрание рабочих и служащих Ташкентского хлопкозавода № 1 им. Ю. Ахунбабаева приняло решение внести в фонд помощи жителям освобожденного Харькова 10 т риса из подсобного хозяйства завода к 1 октября, премиальный фонд, причитавшийся руководящему и хозяйственному составу завода за июль 1943 г. (18 450 руб.), премиальный фонд, причитавшийся коллективу за переходящие Красные знамена ЦК КП(б)Уз, СНК УзССР и Ташзаготхлопкотреста (17 тыс. руб.) и т. д.¹² Президиум Узкоопинсовета постановил организовать в Харькове на средства узбекистанских кооперативов артель швейно-обувного профиля и назвать ее «Братский Узбекистан»¹³.

Аналогичные решения были приняты коллективами Ташкентского обособленного завода, работников пищевой промышленности Узбекистана, сотрудников Наркомзема УзССР, комбината легкой промышленности Ташкента, ташкентских авторемонтных заводов и т. д.

После освобождения Киева в Узбекистане развернулось движение за создание фонда восстановления столицы Советской Украины. В городах и кишлаках республики прошли митинги и собрания, на которых единодушно принимались решения помочь скорейшему восстановлению Киева. Только за один день колхозники Хайдарабадского сельсовета Сурхандарьинской области собрали на восстановление столицы Украины более 11 тыс. руб.¹⁴

Сразу же после освобождения Воронежской и Курской областей в Узбекистане был проведен сбор средств на их восстановление. Предприятия Наркомлегпрома УзССР направили туда разных швейных, трикотажных и шорных изделий почти на 500 тыс. руб.¹⁵

Разнообразная помощь была оказана трудящимися УзССР в восстановлении сельского хозяйства освобожденных районов. Уже в феврале 1943 г. были приняты меры по оказанию помощи освобожденным от гитлеровской оккупации районам Ставропольского, Краснодарского краев и Украинской ССР¹⁶. Весной 1943 г. туда было отправлено около 2 тыс. тракторов, автомобилей и сельскохозяйственных машин. На 1 марта 1943 г. только на Украину и в Ставропольский край было откомандировано 1595 трактористов, 225 бригадиров тракторных бригад, 50 комбайнеров, 41 механик, 30 агрономов и 11 бухгалтеров. Всего

⁹ Там же.

¹⁰ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 25, д. 12, л. 230.

¹¹ Там же, оп. 19, д. 227, л. 1.

¹² Из истории дружбы украинского и узбекского народов (1941—1945). Сборник документов и материалов. Киев, 1968, с. 62—63.

¹³ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 32, д. 4098, л. 7.

¹⁴ Ленинское знамя, 1943 г., 16 ноября.

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 32, д. 4493, л. 176.

¹⁶ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 19, д. 20, л. 23—24.

Наркомзем УзССР израсходовал на отправку специалистов сельского хозяйства в освобожденные районы, восстановление там МТС и МТМ, ремонт сельскохозяйственной техники более 5 млн. руб.¹⁷

За весь период войны из Узбекистана в освобожденные районы было отправлено около 2300 тракторов, хотя хозяйства республики сами крайне нуждались в тракторах¹⁸.

Колхозы и совхозы УзССР выделили также большое количество крупного и мелкого рогатого скота для восстановления животноводства в освобожденных районах. Организованная на местах закупка скота позволила отправить туда овец каракульских — 20 тыс., овец прочих пород — 585 тыс., коз — 395 тыс., лошадей — 50 тыс., рабочих волов — 40 тыс.¹⁹

При активной помощи Узбекистана в Крыму был восстановлен каракулеводческий совхоз «Каракуль» и вновь созданы «Черноморский каракульсовхоз», совхозы «Красный Крым» и «Серый каракуль»²⁰.

Широким потоком шли в Белоруссию из Узбекистана эшелоны с машинами, трамвайными вагонами, рельсами, стройматериалом, одеждой, обувью, книгами, продуктами питания и т. д. Так, в июле 1944 г. в Белоруссию было отправлено 250 библиотек, укомплектованных собранными населением книгами, а также выехало несколько групп врачей²¹.

Тем же летом в Белоруссию прибыла бригада узбекских строителей, которые работали на восстановлении детских яслей, садов, учебных заведений, культурно-просветительных учреждений.

Большую помощь оказал Узбекистан и в восстановлении экономики Молдавии, особенно ее сельского хозяйства. Сюда были направлены материально-технические средства, племенной скот, семена, командированы опытные специалисты²².

Важное значение имело восстановление в освобожденных районах органов здравоохранения. Уже в 1942—1943 гг. из Узбекистана в РСФСР, УССР, БССР было направлено около 1200 врачей²³.

В освобожденные районы направлялись и целые больницы с оборудованием, медикаментами, лечащим персоналом. Только к сентябрю 1943 г. Наркомздрав УзССР подготовил 800 комплектов нательного и постельного белья для лечебных учреждений освобожденных районов. В Ташкенте был подготовлен родильный дом на 50 коек, с полным оборудованием и персоналом; в Самаркандской области — больница на 60 коек с детским отделением; в Наманганской области — больница на 50 коек с лабораторией и аптекой, детские ясли на 100 человек и т. д.²⁴

Таких примеров можно привести очень много. Это было яркое проявление животворной силы советского патриотизма, нерушимой братской дружбы народов СССР, монолитного морально-политического единства, беззаветной преданности советских людей своей социалистической Отчизне, родной Коммунистической партии, под руководством которой советский народ разгромил врага и в невиданно короткие сроки восстановил народное хозяйство освобожденных районов, экономику всей страны.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-90, оп. 7, д. 6117, л. 3, 13.

¹⁸ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 20, д. 124, л. 10.

¹⁹ Халмудинов К. Т. Деятельность Совнаркома УзССР по руководству сельским хозяйством республики в 1941—1945 годах.— Общественные науки в Узбекистане, 1980, № 5, с. 39.

²⁰ Из истории дружбы украинского и узбекского народов..., с. 120—121.

²¹ Правда Востока, 1944 г., 9 июля.

²² Топузлу Г. Н. Помощь братских союзных республик в восстановлении сельского хозяйства Молдавии в 1944—1947 годы.— История СССР, 1975, № 6, с. 94—103.

²³ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 32, д. 3709, л. 90.

²⁴ Там же, л. 55.

К 80-летию революции 1905—1907 годов

Л. Н. КРАВЕЦ

ФЕВРАЛЬСКАЯ СТАЧКА 1905 ГОДА В ТУРКЕСТАНЕ

Исполнилось 80 лет с начала первой российской революции, ставшей первой народной революцией эпохи империализма, «генеральной репетицией» Великого Октября. Как отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 80-летию революции 1905—1907 годов в России», «эта революция пробудила к политической жизни широчайшие массы рабочих и крестьян, другие слои населения, ознаменовала начало нового исторического периода — периода глубоких социальных потрясений и революционных битв»¹.

День 9 января (22 января по новому стилю) 1905 г., когда на Дворцовой площади в Петербурге была расстреляна мирная демонстрация рабочих, стал началом первой народной революции в России. По всей стране прокатилась волна стачек и политических демонстраций.

Вместе с российским пролетариатом на борьбу с царизмом поднялись рабочие и крестьяне национальных районов страны. Уже в январе 1905 г. наблюдается подъем революционного движения и в Туркестанском крае. Массовые политические митинги и демонстрации состоялись тогда в Ташкенте, Самарканде и других городах. Но подлинное начало широкому забастовочному движению в крае было положено февральской стачкой железнодорожных рабочих. Между тем в литературе этой важной во всех отношениях стачке туркестанских рабочих уделялось гораздо меньше внимания, чем она этого заслуживает.

Волнения железнодорожников в Ташкенте начались в первой половине февраля 1905 г. Рабочие собирались группами, обсуждали события в Центральной России, свое положение, предъявляли начальникам мастерских Среднеазиатской и Оренбург-Ташкентской железных дорог различные требования. Ташкентская «Союзная группа социал-демократов и социалистов-революционеров», используя растущие революционные настроения рабочей массы, решила провести организованную забастовку рабочих в ташкентских железнодорожных мастерских. 17 февраля она выпустила отпечатанную на гектографе листовку «19 февраля», в которой призвала рабочих отметить этот день (годовщина крестьянской реформы 1861 г.) проведением однодневной забастовки².

Утром 18 февраля рабочие обеих мастерских заявили, что «ввиду наступления большого праздника 19 февраля они прекратят работу ранее обыкновенного срока». После обеденного перерыва никто в мастерских на работу не вышел³. В забастовке участвовали 700 рабочих Главных мастерских Среднеазиатской железной дороги и до 300 рабочих временных мастерских Оренбург-Ташкентской железной дороги.

Еще до начала забастовки рабочие собрались у столяра вагонного цеха Лаптева. «Для подготовительной работы» был создан стачечный

¹ Правда, 1985 г., 3 января.

² ЦГА УзССР, ф. И-461, оп. 1, д. 2277, л. 1—2.

³ Там же, ф. И-133, оп. 1, д. 281, л. 5.

комитет, выработаны требования для предъявления начальству, состоявшие из 19 пунктов⁴. Рабочие настаивали на введении 8-часового рабочего дня, увеличении заработной платы, сокращении сверхурочных работ, отмене штрафов, улучшении медицинского и бытового обслуживания, создании комиссии из выборных представителей рабочих «с правом голоса» и администрации в равном числе для разбора недопониманий между администрацией и рабочими, для производства расценок, решения вопросов о приеме и увольнении рабочих и т. д.⁵

Важно отметить, что впервые наряду с экономическими были предъявлены и политические требования свободы собраний и стачек, свободы организации профсоюзов, празднования дней 19 февраля и 1 Мая. Это свидетельствовало о росте сознательности рабочих в результате целенаправленной работы ташкентских социал-демократов.

В заключение требований говорилось: «Если до понедельника 21 февраля сего года требования эти не будут удовлетворены, то работы прекратятся вовсе до полного удовлетворения требований (имелось в виду прекращение работ в службе движения, которая пока к забастовке не примкнула.— Л. К.) Личность предъявившего эти требования должна быть неприкосновенна и вообще в отношении к рабочим не должно быть допущено арестов, увольнений и вмешательства полиции. В случае арестов стачка начнется немедленно. Все переговоры администрации с рабочими должны производиться через выборных представителей рабочих, но не через отдельных лиц, по усмотрению администрации. В случае возникновения стачек по вине администрации (не исполнения перечисленных требований) плата за все время стачки должна быть уплачена полностью»⁶.

20 февраля ташкентских железнодорожников поддержали рабочие казенных и частных типографий Ташкента, также объявившие забастовку. Требования были те же — установление 8-часового рабочего дня, увеличение заработной платы, обеспечение свободы собраний, союзов, стачек, признание права празднования 1 Мая и т. д. В знак солидарности с забастовавшими рабочими в этот день не вышла и газета «Самарканд», руководимая большевиком М. В. Морозовым⁷.

Из Ташкента стачка стихийно перекинулась в депо и мастерские станций Самарканд, Черняево, Кызыл-Арват, Чарджуй, Казанджик, Перовск и др. Среди бастовавших были путевые рабочие и чернорабочие из коренных национальностей.

Забастовка ташкентских железнодорожников носила настолько дружный и организованный характер, что администрация обеих дорог вынуждена была пойти на уступки. К 7 часам вечера 21 февраля, т. е. к сроку, указанному в требованиях рабочих, в обеих мастерских был вывешен ответ администрации: с 22 февраля вводился 9-часовой рабочий день, а накануне праздников — 7-часовой, была увеличена заработная плата чернорабочим, разрешалось устраивать в нерабочее время собрания «для обсуждения своих нужд»; выборным от рабочих предоставлялось «право подавать начальству прошения и ходатайства»; удовлетворялись требования об улучшении медицинского обслуживания, вежливом обращении администрации с рабочими⁸. Но в целом из 19 пунктов требований были удовлетворены всего 9. Остальные требования администрации дорог удовлетворить отказалась, ссылаясь на то, что эти вопросы не входят в компетенцию начальников дорог, а должны быть представлены на рассмотрение Министерства путей сообщения.

⁴ Там же, ф. И-129, оп. 2, д. 79, л. 6.

⁵ Там же, ф. И-461, оп. 1, д. 2277, л. 6.

⁶ Туркестанские ведомости, 1905 г., 22 февраля.

⁷ Возникновение и деятельность социал-демократических организаций в Туркестане. Летопись событий. Ташкент, 1971, с. 44.

⁸ ЦГА УзССР, ф. И-461, оп. 1, д. 2236, л. 38, 38 об; д. 2291, л. 39.

В тот же день рабочие мастерских обеих железных дорог решили продолжать забастовку до полного удовлетворения своих требований.

Стачка железнодорожных рабочих напугала царские власти. На улицах Ташкента появились усиленные казачьи патрули, железнодорожные мастерские были окружены казаками и войсками. В Ташкент из Асхабада спешно выехал начальник Среднеазиатской железной дороги генерал Ульянин.

Царские власти решили жесткими действиями прекратить забастовку. Управление строящейся Оренбург-Ташкентской железной дороги поставило перед рабочими временных мастерских ультиматум: те, кто до 24 февраля не выйдут на работу, будут немедленно уволены. В Главных же мастерских Среднеазиатской железной дороги все забастовавшие рабочие были заменены солдатами железнодорожного и саперного батальонов, привезенных генералом Ульяниным из Асхабада⁹.

Часть рабочих, поддерживаемая эсерами из «Союзного комитета», стала высказываться за прекращение забастовки. Социал-демократы настаивали на продолжении ее до удовлетворения всех требований рабочих. Организационный комитет по устройству стачки железнодорожных рабочих, руководимый социал-демократами, выпустил 23 февраля листовку «К рабочим», призывая их к дружным действиям до полного удовлетворения выдвинутых требований. В ней говорилось: «...Товарищи! Мы требуем того, чего требуют наши товарищи во всех городах Российской империи. Будем же солидарны с ними, держаться за наши требования, что означает поддержку наших рабочих братьев в других городах... Мы должны общими и дружными усилиями поддерживать друг друга. В единении и есть наша сила. Администрация, увидя среди нас несогласие и раздоры, будет радоваться и настаивать на своем. Тогда труднее будет склонить ее на уступки... Если мы будем стоять мужественно, стойко и дружно, то победа будет за нами. Будем стоять все за одного и один за всех»¹⁰.

Одновременно стачечный комитет выпустил листовку, обращенную к солдатам железнодорожного и саперного батальонов, в которой объяснялось, почему рабочие бастуют: «...Начальство идет на незначительные уступки и предлагает нам расчет на случай, если мы откажемся стать на работу, желают запугать... Но мы имеем полное право на полное удовлетворение наших требований, так как эти требования мы считаем вполне основательными, не чрезмерными и вполне законными. И вот мы решили, как один человек, устроить общую забастовку и поддерживать ее до тех пор, пока все наши требования не будут исполнены»¹¹. Листовка призывала солдат поддерживать рабочих: «...Мы уверены, что... вы сумеете поддержать нас и постараетесь сделать все, чтобы приостановить движение по железной дороге и заставить начальство идти на новые уступки... Помогите нам!»¹²

Начальник управления Среднеазиатской железной дороги в донесении туркестанскому генерал-губернатору Тевяшеву об этих событиях подчеркивал руководящую роль ташкентских социал-демократов, которые «начинают выходить из программы рабочего вопроса и возбуждать рабочих к ниспровержению государственного строя»¹³.

Между тем раскольнические действия эсеров из «Союзной группы» сыграли свою отрицательную роль. Несмотря на энергичные меры социал-демократов, 28 февраля забастовка ташкентских железнодорожников была прекращена.

⁹ Там же, д. 2291, л. 25 об.

¹⁰ Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане. Документы и материалы. Ташкент, 1984, с. 12—13.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. И-461, оп. 1, д. 2291, л. 25.

¹² Там же.

¹³ Там же, ф. И-1, оп. 31, д. 289, л. 30.

Более организованный характер носила забастовка рабочих железнодорожных мастерских в Кызыл-Арвате, проходившая под руководством местной группы социал-демократов. 21 февраля рабочие через своих депутатов предъявили начальнику мастерских 22 требования, включавших наряду с экономическими и пункты о свободе стачек и собраний. В ответ на отказ администрации выполнить эти требования железнодорожные рабочие Кызыл-Арвата начали 22 февраля забастовку. Поскольку здесь социал-демократы действовали самостоятельно (эсеров здесь тогда вообще не было), стачка протекала особенно дружно и организованно, охватив не только мастерские, но и другие железнодорожные службы. Движение по железной дороге было парализовано. В забастовку включилось и много ремонтных рабочих, состоявших в основном из туркмен.

По требованию начальника кызыл-арватского гарнизона в город был отправлен взвод пехоты, выехал сюда и начальник дороги Ульянин. Стремясь сорвать забастовку и восстановить железнодорожное движение на участке, он угрожал заменой бастовавших рабочих солдатами Закаспийского саперного батальона и телеграфной роты. Однако забастовка продолжалась. Напуганные организованностью и стойкостью рабочих царские власти вынуждены были пойти на уступки. Большая часть требований рабочих была удовлетворена, и 1 марта 1905 г. стачка железнодорожников Кызыл-Арвата прекратилась¹⁴.

21—22 февраля произошла забастовка в депо ж.-д. ст. Чарджуй. Однако она была не столь организованной и массовой, как в Ташкенте и Кызыл-Арвате. Требования рабочих носили лишь экономический характер. Рабочее и социал-демократическое движение здесь делали только первые шаги, и рабочие не добились победы, но эта забастовка сыграла определенную роль в их революционизировании.

Забастовки солидарности проходили также на станциях Самарканд, Черняево, Перовск и др.

Февральская стачка железнодорожников Туркестана имела большое значение в дальнейшем развертывании революционного движения в крае. Это была первая забастовка, в которой приняли участие рабочие-железнодорожники почти всех крупных железнодорожных станций Туркестана. Она убедительно показала рабочим силу организованности в борьбе за общие интересы.

Впервые туркестанские рабочие предъявили администрации письменные требования, в которых наряду с пунктами об улучшении труда и быта рабочих, выдвигались и требования политических свобод, что свидетельствовало о росте классового, политического сознания рабочих далекой окраины.

Февральская стачка 1905 г. обогатила туркестанских социал-демократов опытом непосредственного руководства борьбой рабочих против самодержавия и капиталистов, за их экономические и политические интересы.

После февральской забастовки наблюдается рост социал-демократических организаций и групп в крае. В конце февраля — начале марта 1905 г. произошло размежевание ташкентских социал-демократов с эсерами, «Союзная группа ташкентских социал-демократов и эсеров» распалась и была создана самостоятельная Ташкентская группа РСДРП. Разрыв с эсерами положительно сказался на всей деятельности социал-демократов. Ташкентская группа РСДРП укрепилась, организационно и идейно выросла, значительно повысились ее авторитет и влияние среди рабочих, других слоев трудящихся, демократически настроенной интеллигенции.

В начале марта 1905 г. Ташкентская группа РСДРП выпустила гектографированную листовку «К рабочим», в которой подводились

¹⁴ Возникновение и деятельность социал-демократических организаций в Туркестане..., с. 45—46.

итоги прошедшей забастовки и разбирались те незначительные уступки, которые были объявлены новыми временными правилами министра путей сообщения. В листовке они названы «уловкой» и «обманом» рабочего класса. В заключение рабочие призывались к организованной борьбе с царским самодержавием под руководством Российской социал-демократической рабочей партии под лозунгами: «Долой презренное царское самодержавие! Да здравствует самодержавие народа! Да здравствует демократическая республика!»¹⁵

Эта листовка широко распространилась не только среди рабочих Ташкента, но и в других городах края. На том экземпляре, что сохранился в архиве, в конце листовки чернилами написано: «В Самарканд. Товарищи! Будьте сознательны и солидарны друг к другу и соединяйтесь — все воедино»¹⁶.

После февральской забастовки происходит идейный и организационный рост социал-демократических групп и кружков в других городах края, что положительно сказалось на общем росте революционного движения в Туркестане.

Февральская забастовка 1905 г. положила начало весенне-летнему подъему стачечной борьбы рабочих Туркестанского края, влившегося в общее русло нараставшего революционного движения в стране.

Л. Н. Кравец

ТУРКИСТОНДА 1905 ЙИЛ ФЕВРАЛЬ СТАЧКАСИ

Мақола биринчи рус революциясининг 80-йиллигига бағишланади. Унда Туркистонда 1905 йил февраль ойида содир бўлган катта воқеалардан бири — темир йўл ишчиларининг стачкаси ёритилган. Бу стачка ўлкада кейинчалик революцион ҳаракатнинг кенг ёйилишида муҳим роль ўйнаган.

---

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. И-461, оп. 1, д. 2277, л. 6.

¹⁶ Там же.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

РАЗВИТИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ МОЛОДЕЖИ СОВЕТСКОГО УЗБЕКИСТАНА С МОЛОДЕЖЬЮ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Коммунистическая партия и Советское государство придают огромное значение развитию широких экономических, политических и культурных связей СССР с развивающимися странами. Активное участие в них принимает советская молодежь, воспитанная в духе интернационализма и братской солидарности с трудящимися всего мира.

Молодежь Узбекистана также вносит свой вклад в укрепление интернациональной солидарности и сотрудничества советской молодежи с юношами и девушками развивающихся стран, прежде всего избравших путь социалистической ориентации.

Продукция многих отраслей народного хозяйства УзССР поставляется в десятки стран Азии, Африки, Латинской Америки, а в создании ее непосредственно участвуют рабочая молодежь, молодые специалисты республики, с особой тщательностью выполняющие заказы дружественных нам стран.

Верная традициям старших поколений наша молодежь, с честью выполняя свой интернациональный долг, принимает активное участие в создании сотен важных народнохозяйственных объектов (заводов, фабрик, горнодобывающих предприятий, госхозов, гидроэлектростанций, ирригационных каналов и т. д.) в Афганистане и Непале, Шри-Ланке и Индии, Иране и Ираке, Сирии и Кампучии, Алжире и Гвинее, Мали и Тунисе и многих других афро-азиатских странах. При участии молодых посланцев из Узбекистана построена, например, крупнейшая афганская ГЭС в Наглу¹. Созданы экспериментальный сельскохозяйственный центр Онга-Занга в Анголе², госхоз «Саламатия» в Алжире³, образцовое хозяйство «Сардуд» в ИАР⁴ и множество других объектов.

Молодые специалисты сельского хозяйства, ирригации и мелиорации нашей республики участвовали в орошении и освоении крупного массива целинных земель в Мескене (Сирийская Арабская Республика). Творчески используя опыт комплексного строительства, накопленный в Голодной степи, они помогали здесь прокладывать магистральный канал со всеми необходимыми сооружениями, организовать производство стройматериалов, создавать благоустроенный поселок для земледельцев, учебный центр по подготовке гидростроителей и ирригаторов и т. д.⁵

Уже в 1974 г. почти в 20 странах Азии и Африки работало более 400 посланцев Узбекской ССР, прежде всего молодежь⁶.

Ныне специалисты из Узбекистана трудятся в 46 странах мира. Только в 1980 г. свыше 400 человек были направлены в 10 стран⁷.

В свою очередь, молодежь из развивающихся стран — студенты, аспиранты, стажеры, обучающиеся в вузах УзССР, — все шире включаются в работу студенческих строительных отрядов, создавая интернациональные отряды, участвующие в сооружении важных народнохозяйственных объектов как в Узбекистане, так и в других республиках Союза.

Например, летом 1972 г. студенты из 13 стран мира (Сирии, Индии, Мексики и др.) провели третий трудовой семестр совместно со студентами Ферганского госпединститута им. Улугбека. В период третьего трудового семестра 1981 г. в Ташкенте был сформирован советско-афганский студенческий отряд, работавший вместе с ССО ТашГУ на строительстве Новоангренской ГРЭС⁸. Почти 40 дней трудились там 50 афганских юношей и девушек⁹. Это была хорошая школа солидарности и интер-

¹ Узбекистан на международной арене. Ташкент, 1974, с. 34.

² Вечерний Ташкент, 1978 г., 17 ноября.

³ Исаходжаев А. А. Узбекистан — страны Арабского Востока и Африки (Некоторые аспекты сотрудничества 1968—1978 гг.). Ташкент, 1980, с. 30.

⁴ Там же, с. 32—33.

⁵ Абдуллаев Ю., Якубов Ш. Молодежь Страны Советов в борьбе за мир и дружбу между народами. Ташкент, 1975, с. 63; Правда Востока, 1975 г., 7 февраля.

⁶ Звезда Востока, 1974, № 10, с. 129.

⁷ Шукурова Ш. Х. Молодежь Узбекистана в борьбе за мир и айтимперялистическую солидарность. Ташкент, 1981, с. 5.

⁸ Правда Востока, 1981 г., 11 июня.

⁹ Комсомолец Узбекистана, 1981 г., 28 октября.

национализма. ССО республики провели Неделю солидарности с молодежью борющихся стран, а часть заработанных денег перевели в фонд помощи народу Афганистана¹⁰.

Бойцы ССО «Факел» Андижанского госпединститута иностранных языков также провели День ударного труда в фонд помощи народу Афганистана. В письме бойцов отряда ЦК Демократической организации молодежи Афганистана говорилось: «Мы, как и весь советский народ, выражаем чувство солидарности с народом Афганистана... По предложению бойцов студенческих строительных отрядов Узбекистана, Москвы, Ленинграда и Хабаровского края 14 августа был объявлен днем ударного труда в фонд помощи народу Афганистана.

Как и вся многотысячная армия бойцов студенческих строительных отрядов, мы встали на ударную вахту... В этот день отряд выполнил строительно-монтажных работ на сумму 2000 рублей.

Пусть это будет нашим скромным вкладом в дело процветания дружественной страны»¹¹.

В республике ежегодно проходят субботники и воскресники, средства от проведения которых направляются в фонд помощи молодежи развивающихся стран, борющихся за свою национальную независимость.

Более 30 лет наша республика, выполняя свой интернациональный долг, участвует в подготовке дипломированных кадров для развивающихся стран. Уже к 1975 г. в вузах УзССР обучалось свыше 900 студентов, аспирантов, стажеров почти из 50 стран Азии, Африки, Латинской Америки¹². Только за 1961—1975 гг. подготовительный факультет для иностранных граждан при ТашГУ подготовил к учебе в вузах и техникумах свыше 1500 человек, прибывших в основном из развивающихся стран¹³.

В 1981 г. в 21 учебном заведении УзССР занималось около 3000 учащихся из 73 стран мира¹⁴. Только в ТашГУ их было 278 человек, в том числе из Афганистана — 47, НДРЙ — 7, Эфиопии — 6, Сирии и Иордании — по 5, Бангладеш и Перу — по 4 и т. д.¹⁵

Администрация, партийные, общественные организации, коллективы всех учебных заведений уделяют особое внимание уровню подготовки иностранных студентов, неуклонно совершенствованию всех элементов учебно-воспитательного процесса.

Помимо учебной, методической и научно-исследовательской работы, в учебных заведениях Узбекской ССР большое значение придается внеаудиторной работе с иностранными учащимися. Это — организация лекций, бесед, встреч, экскурсий, проведение вечеров, фестивалей и т. п. Все это позволяет посланцам развивающихся стран в период учебы в Узбекистане, наряду с получением необходимых знаний по специальности, воочию убедиться, каких колоссальных успехов в экономике и культуре достигла республика за годы Советской власти. Посланцы развивающихся стран на деле видят воплощение ленинской национальной политики, политики интернационализма и дружбы между народами.

Для координации всей учебной и воспитательной работы, организации быта и отдыха в учебных заведениях созданы Советы по делам иностранных учащихся и клубы интернациональной дружбы. Большая работа проводится с землячествами иностранных студентов и учащихся. Иностранная молодежь все чаще привлекается к мероприятиям, проводимым КМО Узбекской ССР, комсомольскими организациями, УзОДКС и т. д.

В практику работы КМО и комитетов комсомола республики широко вошли проведение приемов в ЦК комсомола, первичных комсомольских организациях учебных заведений, организация вечеров интернациональной дружбы, торжественных собраний и митингов по случаю знаменательных дат и др.

Например, 25 июня 1970 г. в Ташкентское молодежное кафе «Дружба» на встречу с узбекскими друзьями пришли юноши и девушки из различных стран Азии, Африки и Латинской Америки, окончившие учебу в вузах столицы Узбекистана.

16 ноября 1971 г. в ЦК ЛКСМУз состоялась встреча студентов-иностранцев, обучающихся в Ташкенте, с работниками молодежных газет, радио и телевидения республики. Она была посвящена 25-й годовщине Международного союза студентов, объединяющего три четверти студенчества нашей планеты.

18 ноября 1973 г. в ЦК ЛКСМУз состоялся прием, посвященный Международному дню студентов. Студенты из Афганистана, Перу, Сирии, Центрально-Африканской Республики рассказали об их участии во многих общественных мероприятиях вместе с советскими друзьями. Они высказывали слова глубокой благодарности Советской стране за заботу и внимание к иностранным студентам.

В сентябре 1976 г. руководители 16 землячеств иностранных студентов, аспирантов и стажеров, обучающихся в ташкентских вузах, собрались в ЦК ЛКСМУз. Они представляли почти полторатысячный отряд юношей и девушек из 51 страны

¹⁰ Правда Востока, 1981 г., 11 июня.

¹¹ Комсомолец Узбекистана, 1981 г., 15 августа.

¹² Комсомолец Узбекистана, 1975 г., 21 января.

¹³ Рустамов У. А. Узбекистан на международной арене. Ташкент, 1979, с. 136.

¹⁴ Куценко Э. Н., Шарапов Ш. Ш. Мы — интернационалисты. Ташкент, 1982, с. 136.

¹⁵ Там же, с. 36.

мира. На встрече подчеркивалось, что их успехам в учебе во многом способствуют плодотворное сотрудничество, дружба между землячествами, комсомольскими и другими молодежными организациями республики¹⁶.

26—27 мая 1977 г. в Ташкенте была проведена научно-теоретическая конференция иностранных студентов, аспирантов и стажеров, обучающихся в вузах города, на тему: «Великий Октябрь и национально-освободительное движение в странах Азии, Африки, Латинской Америки». Выступавшие на конкретных примерах своих стран убедительно раскрыли всемирно-историческую роль Великого Октября, его значение для национального освобождения и социального прогресса народов развивающихся стран¹⁷.

Большую работу среди студентов из развивающихся стран ведет клуб иностранных студентов Ташкента, который помогает им приобщиться к новым условиям жизни, содействует в организации свободного времени. В плане его работы — встречи иностранных студентов с деятелями культуры и искусства Узбекистана, организация дружеских встреч с членами клубов интернациональной дружбы учебных заведений города. Особое внимание уделяется беседам, пропагандирующим материалы съездов КПСС, разъяснению интернационалистской политики КПСС. При клубе работают драматический и танцевальные коллективы, организован вокально-инструментальный ансамбль.

Все это убедительно свидетельствует о том, что молодежь Узбекистана, ее общественные организации ведут большую работу по развитию всесторонних связей с молодежью развивающихся стран, помогают ей в решении стоящих перед нею актуальных задач, укрепляют в ней волю к решительной борьбе за мир, подлинную независимость и социальный прогресс.

Б. У. Аминов

¹⁶ Комсомолец Узбекистана, 1976 г., 14 сентября.

¹⁷ Комсомолец Узбекистана, 1977 г., 27 мая.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БЫТОВОМ ОБСЛУЖИВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ УЗССР

Задачи повышения благосостояния советского народа постоянно находятся в центре внимания Коммунистической партии и Советского государства, на что с новой силой указал К. У. Черненко в статье «На уровень требований развитого социализма». В решении этой важнейшей задачи большую роль играет всемерное улучшение бытового обслуживания населения. В этой связи в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» предусмотрена увеличить объем реализации бытовых услуг населению страны в 1,4—1,5 раза¹.

Расширение сети предприятий бытового обслуживания населения и совершенствование организации их работы позволят со временем решить такие важные социальные задачи, как реальное освобождение миллионов женщин от трудоемких занятий в домашнем хозяйстве, увеличение свободного времени трудящихся, сокращение существующих различий между городским и сельским бытом.

Учитывая это, партия и правительство придадут огромное значение дальнейшему развитию и правовому регулированию данной отрасли народного хозяйства. Об этом наглядно свидетельствует постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 марта 1983 г. «О дальнейшем развитии и улучшении бытового обслуживания населения», где указано, в частности, на необходимость усиления работы по созданию специализированных производственных объединений по основным видам бытовых услуг, по строительству в республиканских, краевых, областных центрах и крупных городах высокотехнологизированных головных предприятий этих производственных объединений, а в других городах и районных центрах — их филиалов или цехов².

Постановление предусматривает также расширение услуг по восстановлению потребительских свойств находящихся у населения изделий (ремонт радиотелевизионной аппаратуры, бытовых машин и приборов, мебели, обуви и одежды, стирка белья, химическая чистка вещей); удовлетворение потребностей населения в услугах парикмахерских, бань, фотоателье, проката предметов длительного пользования, изготовлении изделий по заказам населения, отличающихся высоким качеством, а также внедрение новых видов бытовых услуг, прогрессивных форм обслуживания и т. д.

При оказании бытовых услуг возникают соответствующие отношения между гражданами и предприятиями службы быта, которые находят свое выражение в гражданско-правовых договорах, например бытового заказа, бытового проката, бытового хранения, бытовой экспедиции и др. Здесь мы рассмотрим некоторые правовые вопросы бытового заказа как одного из видов договоров бытового обслуживания населения.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 180.

² См.: Правда, 1983 г., 30 марта.

³ Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. М., 1967.

По договору бытового заказа подрядчик — предприятие бытового обслуживания населения — обязуется выполнить за свой риск определенную работу по заданию заказчика из его или своих материалов, а заказчик обязуется принять и оплатить выполненную работу.

Основные правила, регламентирующие бытовой заказ, предусмотрены ст. 66 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик³. Детальное правовое регулирование этого договора Основы относят к законодательству союзных республик (ч. 1 ст. 66 Основ). В соответствии с этим указанием, в ГК Узбекской ССР установлены нормы, регулирующие отношения бытового заказа. Однако в ч. 2 ст. 66 Основ предусмотрено, что по отдельным видам обслуживания граждан Советы Министров союзных республик утверждают типовые договоры. Это положение следует конкретизировать в ГК УзССР. Поэтому формулировку ч. 2 ст. 404 ГК УзССР целесообразно изменить следующим образом: «По отдельным видам бытового заказа Совет Министров Узбекской ССР утверждает типовые договоры. Отступления от условий типовых договоров, ограничивающие права заказчиков, недействительны».

Типовыми договорами регулируются наиболее важные виды услуг. Так, Совет Министров УзССР утвердил 6 июля 1965 г. типовой договор на ремонт квартир и подсобных помещений по заказам граждан⁴. Наряду с типовым договором действуют «Единые правила бытового обслуживания населения Узбекской ССР», утвержденные Министром бытового обслуживания населения УзССР 24 мая 1979 г. Что касается отношений, возникающих при ремонте радиотелевизионной аппаратуры, бытовых машин и приборов, предметов культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода, пошиве одежды, обуви, головных уборов, строительстве жилых домов в сельской местности по заказам граждан, то они регулируются явно недостаточно; в нормах республиканского законодательства о бытовом заказе еще имеются существенные пробелы.

В договоре бытового заказа подрядчиками выступают различные специализированные государственные и кооперативные предприятия бытового обслуживания, а заказчиками — граждане. Подрядчик обязан отвечать за качество выполнения заказов. Работа может выполняться из материала подрядчика или заказчика. Если работа полностью либо частично выполняется из материала заказчика, подрядчик отвечает за неправильное использование этого материала. Поэтому подрядчик обязан своевременно предупредить заказчика о недоброкачественности или негодности полученного от него материала (ст. 393 ГК УзССР). В противном случае он отвечает за понесенные вследствие этого заказчиком убытки.

Если подрядчик допустил несущественные отступления от условий договора, заказчик вправе по своему выбору требовать от подрядчика либо безвозмездного исправления недостатков в соразмерный срок (если такое исправление возможно при небольшом расходе), либо возмещения расходов для исправления своими средствами недостатков работы, если договором предусмотрено такое право заказчика, или соответствующего снижения вознаграждения за работу (ч. 1 ст. 395 ГК УзССР).

Если подрядчик допустил в работе существенные отступления от договора либо иные недостатки, заказчик вправе требовать расторжения договора и возмещения убытков. Например, гр-ка Р. сдала на фабрику химической чистки шерстяной костюм и кофту. В процессе чистки вещи были испорчены. Износ их был зафиксирован в квитанции в пределах 40%, а истица потребовала возместить 80% стоимости вещей. Фабрика отказалась уплатить эту сумму. Тогда истица обратилась в народный суд о взыскании стоимости испорченных вещей. Суд потребовал заключения товароведческой экспертизы. Отдел товарных экспертиз Торгово-промышленной палаты УзССР в своем заключении указал, что костюм стоимостью 95 руб. до сдачи в химчистку имел 20% износа, кофта дефекта не имела. Народный суд, основываясь на заключении экспертизы, решил взыскать с Ташкентской фабрики химчистки в пользу Р. 82 руб. 58 коп.

При желании заказчик может принять работу с дефектами, но он имеет право на оплату уменьшенной стоимости заказа, причем при разногласиях по поводу размера ее снижения необходимо заключение товароведческой экспертизы для проверки обоснованности требований заказчика⁵.

В большинстве случаев заказчик передает подрядчику необходимые материалы для выполнения заказа, а при починке, переделке, реставрации и т. д. — сами вещи. Эти материалы и вещи находятся во владении подрядчика в течение срока исполнения заказа. Подрядчик обязан принять все меры к обеспечению сохранности вверенного ему заказчиком имущества. Он несет ответственность за всякое упущение, могущее повлечь утрату или повреждение данного имущества. Например, гр-н И. сдал на ремонт фотоаппарат «Зенит», который был получен им в прокатном пункте. За ремонт уплатил 9 руб. Однако фотоаппарат в мастерской был утерян. Прокатный пункт № 10 «Ташсервис» потребовал взыскать с И. стоимость фотоаппарата в полноторном размере. Народный суд взыскал с И. 141 руб. в пользу прокатного пункта. Тогда И. обратился в народный суд с просьбой взыскать с мастерской эту сумму и 9 руб., которые он заплатил при заключении договора. Дело закончилось тем, что

³ СП УзССР, 1965, № 8, ст. 72.

⁵ См.: Синицкая М. Е. Защита интересов граждан по договору бытового подряда. М., 1973, с. 28.

мастерская «Ремточмеха» выдала И. фотоаппарат, равноценный утерянному, который и был сдан заказчиком в прокатный пункт.

Подрядчик обязан выполнить заказ в намеченный срок. Сроки выполнения заказов устанавливаются в соответствии с действующим типовым договором. Например, в п. 4 Типового договора на ремонт квартир и подсобных помещений по заказам граждан указывается, что сроки начала и окончания работ устанавливаются соглашением сторон. В случае невозможности начать ремонт в установленный срок по вине заказчика последний обязан предупредить предприятие за три дня.

Заказчик вправе отказаться от договора и взыскать убытки, если подрядчик не приступает своевременно к исполнению договора. Если во время выполнения работы станет очевидным, что она не будет выполнена надлежащим образом, заказчик вправе назначить подрядчику соразмерный срок для устранения недостатков. Неустранение их в назначенный срок дает заказчику право расторгнуть договор и взыскать понесенные убытки либо поручить исправление работы третьему лицу за счет подрядчика (ст. 401 ГК УзССР). Однако ст. 401 ГК УзССР не определяет ответственность подрядчика в случае нарушения им срока выполнения работы. Ответственность подрядчика за нарушение исполнения заказа определяется на основании ст. 242 ГК УзССР, согласно которой должник, просрочивший исполнение, отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой, и за наступившую после просрочки невозможность исполнения. Если вследствие просрочки должника исполнение утратило интерес для кредитора он может отказаться от принятия исполнения и требовать возмещения убытков.

В договоре бытового заказа должником выступает подрядчик, кредитором — заказчик. Ответственность за просрочку исполнения заказов указана в Типовом договоре на ремонт квартир и подсобных помещений по заказам граждан. В п. 11 договора предусматривается, что в случае нарушения предприятием срока окончания работ оно уплачивает заказчику за каждый просроченный день пени в размере 0,1% стоимости ремонта (включая стоимость материалов подрядчика). Если работа не окончена по истечении недели со дня наступления срока исполнения заказа, предприятие уплачивает заказчику неустойку в размере 2% стоимости ремонта (включая стоимость материалов подрядчика). При нарушении сроков по вине заказчика последний несет ту же ответственность. Пени в указанном размере заказчик уплачивает предприятию также при просрочке оплаты задолженности за материалы и работу.

В соответствии со ст. 403 ГК УзССР, в случае неявки заказчика за вещь, изготовленной из его материала, подрядчик вправе по истечении 6 месяцев со дня, когда согласно договору, вещь должна быть готова, и последующего двукратного предупреждения продать вещь в установленном порядке, а вырученную сумму, за вычетом всех причитающихся подрядчику платежей, внести и депозит нотариальной конторы на имя заказчика.

Однако остается нерешенным вопрос — как быть в случае, если заказчик не явился за получением вещи, изготовленной из материала подрядчика. Представляется, что этот момент также должен быть урегулирован в ст. 403 ГК УзССР.

Дальнейшее совершенствование правового регулирования отношений, возникающих в процессе бытового обслуживания населения, будет способствовать повышению эффективности этой важной отрасли народного хозяйства и более полному удовлетворению растущих запросов трудящихся.

Б. Ибрагимов

УКРЕПЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА УзССР В ГОДЫ ВОСЬМОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Годы восьмой пятилетки (1966—1970) стали важным этапом в укреплении экономического потенциала нашей страны, в том числе в области сельского хозяйства. Свой вклад в решение этой задачи призвана была внести Узбекская ССР, на долю которой к началу восьмой пятилетки приходилось около 70% общесоюзного производства хлопка, 91% кенафа, 19% риса, более 51% шелковичных коконов, около 35% каракуля и др.

Дальнейшее развитие всех отраслей сельского хозяйства Узбекистана требовало прежде всего всемерного укрепления его материально-технической базы. В этих целях за годы восьмой пятилетки только по линии государственного бюджета в развитие сельского хозяйства республики было вложено более 3 млн. руб.

Неуклонно росли поставки современной техники селу. В 1965 г. в колхозах и совхозах УзССР насчитывалось 92,8 тыс. тракторов, 23,7 тыс. хлопкоуборочных агрегатов, 4,8 тыс. зерноуборочных комбайнов, 31,4 тыс. грузовых автомобилей (включая автоцистерны). А в 1979 г. на вооружении сельского хозяйства Узбекистана имелось уже 132,2 тыс. тракторов, 32,4 тыс. хлопкоуборочных машин, 7,4 тыс. зерноуборочных комбайнов, 33,6 тыс. грузовых автомобилей (включая автоцистерны) и много других сельскохозяйственных машин и орудий¹.

¹ Узбекистан за годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.). Краткий статистический сборник. Ташкент, 1971, с. 37.

² Ржевский Г. К., Френкин В. М. Технический прогресс в хлопководстве. Ташкент, 1968, с. 145.

Особое внимание уделялось комплексной механизации хлопководства и прежде всего уборки урожая. Был осуществлен, в частности, переход к четырехрядной хлопкоуборочной машине 14XB-2,4 «Узбекистан», производительность которой в 1,6 раза превышала производительность двухрядных машин.

Рождение четырехрядной машины повлекло за собой создание пропашного трактора улучшенной модификации с более мощным (50-сильным) двигателем². Наряду с совершенствованием хлопкоуборочных машин, создавались специальные подборщики опавшего и сбитого с кустов сырья. В 1965 г. на поля республики вышли первые 200 навесных подборщиков с простейшим сепаратором-обогабителем, снижающим засоренность подбираемого хлопка; испытывалось также несколько десятков прицепных подборщиков. Все это способствовало массовому переходу к машинному сбору урожая. И если в 1965 г. доля машинного сбора хлопка-сырца в республике составила 20%, то в 1970 г.— 33%³.

В годы восьмой пятилетки были также запущены в массовое производство двухъярусные плуги, весьма эффективные в борьбе с многолетними корневищными сорняками, намечался ввод в производство специального вычесывателя корневищ многолетних сорняков на пахотном гусеничном тракторе, совершенствовалась конструкция тракторных культиваторов.

Принимались меры и по механизации вегетационных поливов. В ряде хозяйств успешно применялись прогрессивные способы полива с помощью дождевания, гибких трубопроводов, трубочек-сифонов. Так, в совхозе «Пахтаарал» для полива использовались двухконсольные дождевальные агрегаты со 100-метровой шириной захвата. К концу восьмой пятилетки этот способ нашел применение на значительных площадях. Он позволил вдвое снизить нормы полива, втрое поднять производительность труда и на 1,5—2 ц/га повысить урожайность хлопчатника по сравнению с бороздковым поливом⁴.

В целинных районах республики хороший эффект дает применение переносных гибких трубопроводов. В указанный период в Голодной степи строился специальный завод по их производству. С помощью гибких трубопроводов намечалось осуществлять полив примерно 400 тыс. га посевов.

Успешно прошли испытание первые образцы навесных машин, нагнетающих в почвенный слой воду с растворенными в ней минеральными удобрениями.

Неуклонное развитие сельского хозяйства республики требовало осуществления большего объема мелиоративных и ирригационных работ. 27 мая 1966 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, наметивший очередные задачи развития мелиорации земель в стране, в том числе в Узбекистане⁵. Для организационного и научного руководства мелиоративным строительством было создано специальное Министерство мелиорации и водного хозяйства.

В Узбекистане в годы восьмой пятилетки на водохозяйственное строительство, расширение площади мелиорации поливных земель было выделено почти вдвое больше средств, чем в предыдущем пятилетии. Только за 1966—1968 гг. на создание водохозяйственных объектов в республике было затрачено 738 млн. руб.⁶

К концу 1968 г. протяженность забетонированных каналов составила 2500 км, что позволило сберечь для полива 1 млрд. 250 млн. м³ воды. Это равно мощности Южнурсуранского и Чимкурганского водохранилищ, вместе взятых.

На каналах устанавливались автоматические системы регулирования потока воды и управления стационарными и подвижными дождевальными установками и машинами. В 1970 г. в колхозах и совхозах Узбекистана работало более 50,7 тыс. дождевальных машин и установок⁷.

Возрос объем работ по борьбе с засолением и заболачиванием земель: были сооружены крупные коллекторы, расширялась открытая и закрытая дренажная сеть, система вертикального дренажа.

С увеличением количества и нарастанием мощности землеройной техники повысился уровень механизации очистительных работ на оросительной и коллекторно-дренажной сети. Если в 1966 г. механизированным способом было выполнено 86,5 млн. м³, то в 1970 г.— 187,1 млн. м³ земляных работ. Всего ежегодно производилось более 740 млн. м³ земляных работ⁸.

В целом за годы восьмой пятилетки в водохозяйственное строительство в УзССР было вложено 1648 млн. руб. Стали работать на полную мощность Южно-Сурхандарьинское, Каркидонское, Пачкамарское водохранилища, была увеличена емкость Каттакурганского и Касансайского водохранилищ, сданы в эксплуатацию Большой Андижанский, Туямуюнский подпитывающий каналы.

За 1966—1970 гг. в республике было орошено около 240 тыс. га новых земель,

³ Народное хозяйство Узбекской ССР за 50 лет. Юбилейный статистический ежегодник. Ташкент, 1974, с. 108.

⁴ См.: Ржевский Г. К., Френкин В. М. Указ. соч., с. 149.

⁵ Правда Востока, 1966 г., 31 мая.

⁶ Коммунист Узбекистана, 1969, № 10, с. 40.

⁷ Островский В. Б. Новый этап в развитии колхозного строя. М., 1977, с. 80.

⁸ Хлопководство Узбекистана за 50 лет. Справочник. 2-е доп. и переработ. изд. Ташкент, 1974, с. 145.

улучшено мелиоративное состояние 436 тыс. га солончаковых земель, увеличена подача воды на 650 тыс. га земель⁹.

В интенсификации сельскохозяйственного производства республики большую роль играла химизация. За годы восьмой пятилетки значительно выросли поставки селу минеральных удобрений: с 2550 тыс. до 3496 тыс. т¹⁰. Принимались меры к полной механизации внесения минеральных удобрений в допосевной период с помощью самолетов и наземных механизмов. На засоленных землях во время пахоты предполагалось использовать чизели и дисковые бороны, снабженные туковывсевающими устройствами.

Значительная работа по изучению действия гербицидов и повышению эффективности их использования проводилась в СоюзНИХИ, Институте экспериментальной биологии растений АН УзССР, Институте защиты растений. С 1967 г. работы в этом направлении были начаты на кафедре хлопководства Ташкентского сельскохозяйственного института. Росло производство биопрепаратов и т. д.

Все большую роль в сельскохозяйственном производстве играет электрификация. В августе 1966 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли специальное постановление «Об электрификации сельского хозяйства СССР в 1966—1970 гг.»¹¹ В ходе реализации его значительно повысилась энергооборуженность сельскохозяйственного производства. По сравнению с 1960 г. потребление электроэнергии в сельском хозяйстве УзССР увеличилось в 11 раз. Электрооборуженность в расчете на одного работника за этот период выросла в 43 раза, а потребление электроэнергии на бытовые нужды в расчете на одного сельского жителя — в 45 раз¹².

Много внимания уделялось механизации и электрификации производственных процессов в общественном животноводстве. К началу восьмой пятилетки для этой отрасли выпускалось уже 137 наименований машин и оборудования¹³. Принимались меры к развитию товарного птицеводства на промышленной основе путем концентрации его на птицефабриках и крупных механизированных колхозных и совхозных птицефермах. А в результате производство яиц возросло с 36,7 млн. в 1965 г. до 276 млн. в 1970 г., производство мяса птицы — с 1,2 тыс. до 13,1 тыс. т.

Развитие материально-производственной базы сельского хозяйства требовало обеспечения его соответствующими кадрами специалистов, механизаторов различного профиля.

Все более привычной фигурой на селе становились механизаторы животноводческих ферм. Их готовили в СПТУ с двухгодичным сроком обучения, где, помимо практических навыков по монтажу и ремонту оборудования ферм, а также знаний основ зоотехники, они приобретали квалификацию электромонтера, умение обращаться с трактором, автомобилем и рядом других машин и механизмов.

Успешно работала школа передового опыта Анастасии Чудной. В марте 1966 г. на экспериментальной базе «Красный водопад» республиканского института животноводства около 50 тружениц колхозных и совхозных ферм обучались эффективным приемам электродойки¹⁴. Только за 1966 г. школа выпустила 175 доярок для всех областей республики.

Расширялась сеть сельскохозяйственных вузов и их филиалов, создавались новые факультеты, рос контингент студентов. На базе Андижанского филиала ТИИИМСХ был организован специальный институт хлопководства¹⁵.

Если в 1965 г. в сельском хозяйстве УзССР работало 25,7 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием, то в 1970 г. — 38,2 тыс.¹⁶

В январе 1970 г. состоялся пленум ЦК ЛКСМУз, наметивший задачи комсомольских организаций республики по развитию массового движения сельской молодежи за овладение техническими профессиями¹⁷. Девизом сельских юношей и девушек Узбекистана стал лозунг: «Живешь на селе — владей техникой!» Уже к концу восьмой пятилетки более 120 тыс. молодых земледельцев научились водить тракторы и автомашины, управлять хлопкоуборочными комбайнами.

На селе получили распространение такие специальности, как тракторист-машинист широкого профиля, механизатор мелиоративных и ирригационных работ, электромонтер сельской электрификации и связи, слесарь по ремонту тракторов, автомобилей и сельхозмашин и др. Подготовка этих кадров осуществлялась сельскими ПТУ.

Повсеместно действовали курсы по подготовке и переподготовке механизаторских кадров. Особое внимание уделялось пополнению их рядов за счет тружениц села. Уже к 1970 г. в республике было подготовлено около 1,5 тыс. механиков-водителей из числа женщин¹⁸.

⁹ Правда Востока, 1971 г., 3 марта.

¹⁰ Узбекистан за годы восьмой пятилетки, с. 33.

¹¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 6. М., 1968, с. 218—224.

¹² Коммунист Узбекистана, 1968, № 2, с. 43.

¹³ Вопросы аграрной теории и политики КПСС, М., 1979, с. 131.

¹⁴ Правда Востока, 1966 г., 6 марта.

¹⁵ Правда Востока, 1966 г., 19 июня.

¹⁶ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1980 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1981, с. 211.

¹⁷ Правда Востока, 1970 г., 10 января.

¹⁸ Коммунист Узбекистана, 1970, № 11, с. 52.

Важным фактором укрепления материально-технической базы колхозов и совхозов республики и ее рационального использования стали новые, прогрессивные формы организации труда. Так, в годы восьмой пятилетки получили распространение тракторно-полеводческие бригады, значителями которых выступили новаторы производства, знатные механизаторы — Курбан Кенжаев, Тагай Абдусаматов, Валентин Тюпко, Маннап Джалалов и др.

В комплексных тракторно-полеводческих бригадах и звеньях земля, вода и техника сосредоточивались в одних руках, что позволяло полнее использовать достижения химии, агротехники, ирригации, механизации, передового опыта для получения высоких урожаев.

В хлопководстве стала применяться такая форма организации труда, как хозяйственные механизированные звенья. В 1966 г., например, в Букинском районе действовало 800 таких звеньев. Ими было выращено по 40 ц/га хлопка¹⁹. Уборка урожая была проведена в сжатые сроки.

Укрепление материально-технической базы, количественный и качественный рост кадров, совершенствование организации труда в сельском хозяйстве способствовали успешному выполнению плановых заданий и социалистических обязательств. Валовой сбор хлопка в восьмой пятилетке составил по сравнению с предшествующим пятилетием 118%, риса — 186,5, овощей — 154,4, бахчевых — 186,2, мяса — 119,5, молока — 137,3, яиц — 131,7% и т. д.²⁰

В последующие годы эти успехи были закреплены и приумножены на основе дальнейшего развития материально-технической базы совхозно-колхозного производства республики, использования достижений научно-технического прогресса, роста квалификации и творческой активности труженников села.

С. А. Мавлянбекова

¹⁹ Правда Востока, 1966 г., 25 августа.

²⁰ Узбекистан за годы восьмой пятилетки, с. 30, 35.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ УЗБЕКСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Узбекский национальный костюм конца XIX — начала XX в. до настоящего времени изучался в основном с историко-этнографической стороны, фиксирующей его внешние формальные черты и особенности. При таком подходе главная, содержательная часть костюма, от которой во многом зависели его художественный облик и типология, оставалась без внимания. Между тем решение многих актуальных проблем современного моделирования одежды, как использование национальных художественных традиций, органическое взаимодействие костюма с окружающей природной и предметной средой, прогнозирование массовой моды, сегодня невозможно без осмысления узбекского национального костюма как художественного явления, без определения его содержания.

Исходя из ключевого положения теории системного анализа, гласящего, что «свойства любых объектов относительно со структурами соответствующего уровня организованности объектов; при описании этих свойств они представляют собой функции, аргументами которых служат данные структуры», а «отобранная структура объекта представляет собой центральную характеристику содержания образа»¹, мы рассмотрим социальное значение и содержание узбекского национального костюма конца XIX — начала XX в.

Прежде всего отметим, что он отвечал потребностям утилитарного характера — защищал от холода и жары, создавая комфорт для трудовой деятельности и отдыха, учитывал природные, бытовые и социальные условия жизни народа, а вместе с тем служил выражением политических, религиозных, этических и эстетических воззрений общества, исполнял роль оберега, использовался в традиционных ритуалах, обрядах, церемониях, четко обозначал этнические, религиозные, сословно-классовые и половозрастные отличия.

Словом, костюм выполнял целый комплекс практических и духовных функций. Одни его функции были отражением взаимодействия узбекского народа с миром природы, другие — проекцией его социальных отношений, отражая специфические условия жизни определенной социальной группы. Так, хорезмский мужской костюм конца XIX — начала XX в. был приспособлен к знойному солнцу степей, значительным перепадам ночных температур, к активной трудовой деятельности мужского населения (связанной с верховой ездой), его традиционному бытовому укладу, мировоззрению, идеологии. Этому отвечали хорошо пригнанная к фигуре и не сковывавшая движения пластика костюма и довольно строгое его внешнее декоративное решение. Костюм же другой социальной группы, скажем, бухарского торгового сословия, служил совершенно иным целям: он должен был создавать впечатление нерушимой стабильности, сановитости и богатства. Отсюда необычно громоздкая форма мужского костюма, его многослойность и бросакая декоративность.

¹ А. Фасижев М. Н. Системно-исторический анализ искусства. — В кн.: Актуальные вопросы методологии современного искусствознания, М., 1983, с. 167—168.

² Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 356.

Поскольку «костюм со своими функциями является лишь частью общей структуры бытия», то перемены, происходившие в экономической, политической, социальной, духовной жизни народа, влекли за собой и перестройку его функций². Они менялись местами, переходили одна в другую, вытесняли изживших себя. Каждый период утверждал свою иерархическую систему функций национального костюма, по своему производил их актуализацию. Так, в конце XIX — начале XX в. у узбекского национального костюма сложилась такая система функций, в которой одними из главных были религиозная и магическая. Практические функции отвечали за адаптацию костюма к новой обстановке, связанной с присоединением Туркестана к России, вовлечением населения края в орбиту новых, капиталистических отношений, появлением новых классов и социальных слоев — местной буржуазии, рабочего класса, а также чиновничества. Поскольку новые социальные слои формировались при активном участии русских, татар, башкир, ногайцев, то их костюм вбирал многие черты и особенности одежды этих народов. Позднее на новый стиль одежды, более строгий и деловой, перешла и местная интеллигенция. Однако у остальных слоев общества, особенно на сельской периферии, образ жизни и костюм оставались прежними, во многом обусловленными догмами религиозной идеологии и пережитками языческих культов.

Смена функциональных систем узбекского костюма в различных социальных группах протекала по-разному и имела свои временные границы. В центральных городах она проходила интенсивнее, на периферии — более медленными темпами. В одних социальных группах бывшие господствующие функции вообще прекращали свое существование, в других — перекочевывали в разряд второстепенных и т. п.

В формировании одной конкретной формы костюма, как правило, участвовало сразу несколько практических и духовных функций. Каждая из них несла в себе конкретное содержание, целесообразную идею, которая, воплотившись в материале, придавала костюму определенное свойство, ту или иную характерную особенность, черту. Она могла быть выражена как в целостном решении костюма, так и в отдельных его элементах, деталях. В частности, практическая функция мужского костюма, призванная обеспечить комфорт при верховой езде, выработала своеобразную конструкцию кроя узбекских мужских шаровар (чалвар) с «широким шагом». А другая практическая функция, стремившаяся приспособить костюм к специфическим условиям быта узбекских женщин (т. е. к сидению на полу), определила трапециевидное расширение подола платья, лишь слегка видоизменив конструкцию кроя. Внешнее декоративное оформление одежды зависело от духовных функций, отражавших миропонимание и идеологию общества.

В каждом костюме одна из практических или духовных функций становилась лидирующей³. В ней обычно заключались главное назначение вещи, ее «содержательное ядро» и типология⁴. Кроме того, она определяла порядок актуализации остальных, сопутствующих функций, служила главным структурообразующим началом, вокруг которого происходили «сцепление» функций и логическое объединение всех целей и смысла костюма в единый содержательный строй, формирование ансамбля из необходимых одеяний и аксессуаров, рождение на этой основе художественного образа костюма.

В одних костюмах лидирующей выступала практическая функция, в других — духовная. Первые прежде всего удовлетворяли практические потребности народа. Это был обычный повседневный костюм. С его помощью человек приспособивался к внешним условиям природно-климатической среды, предметно-бытового окружения, специфике своей хозяйственно-трудовой деятельности.

Поскольку условия существования различных этнических, локальных и социальных групп не были одинаковыми, то и конкретная цель или содержание каждого практического костюма было довольно разнообразными. Лидирующая практическая функция и содержащаяся в ней целесообразная идея, своего рода «сверхзадача» костюма, диктовала набор конкретных вещей, из которых он должен быть составлен, — платье, халат, шаровары, головной убор, обувь и т. д. Сопутствующие практические функции формировали конструкцию кроя и пластику одеяний. А духовные производили корректировку конструкции кроя и пластики костюма в соответствии с идеологическими воззрениями данной социальной группы, придавали костюму определенную эмоционально-образную окраску, превращая его в живую одухотворенную плоть.

Одухотворенный, «очеловеченный» смысл вкладывался во многие элементы и детали костюма. Так, считалось, что неподшитый подол женской накидки (джемяк) из Кашкадарьи должен способствовать многодетности. А детская распашонка, сшитая из различных лоскутов, собранных в многодетных семьях, призвана была охранять ребенка от сглаза. Но чаще всего магическое значение приобретало декоративное убранство костюма — вышивка, аппликация, ювелирные украшения.

Костюм, в котором все внимание акцентировалось на одной из духовных функций, терял свою практическую ценность, вернее, она отходила на второй план. Актуализация духовного начала в узбекском национальном костюме обычно была связана с его вхождением в ритуал, обряд или церемониал, когда он из обычной, по-

³ Там же, с. 363.

⁴ Новикова Л. И. Эстетика и техника: альтернатива или интеграция. М., 1976, с. 235—237.

вседневной вещи превращался в ритуальную — праздничную, свадебную или траурную. Содержание ритуального костюма полностью раскрывалось лишь в контексте конкретного ритуала, обряда или церемониала, бывших, в свою очередь, неотъемлемой частью духовной культуры общества. Костюм вместе с его обладателем становился одним из действующих лиц ритуального процесса, в котором все персонажи и вещественные атрибуты взаимодополняли друг друга и были подчинены единому сюжету⁵.

Зачастую первоначальный текст и смысл многих узбекских народных ритуалов с течением времени искажались, обрстал новыми подробностями или вообще стирался из памяти. Поэтому об истинном содержании многих ритуальных одеяний можно лишь догадываться. Так, в свадебном наряде невесты у жителей Нуратинских предгорий Джизакской области самым «звонким» аккордом, привлекавшим всеобщее внимание, была наголовная пакидка (джеляк), несомненно, определявшая основную образно-смысловую характеристику всего костюма. Ее сложное декоративное убранство, созданное из вышивки, аппликаций и блестящей мишуры, в своем орнаментальном строе воспроизводило сильно искаженное изображение «древа жизни» — источника плодородия и изобилия, доброго, благожелательного начала, истоки которого восходят к древним мифологическим представлениям предков узбекского народа. Возможно, невеста в прошлом осмысливалась в аналогичном аспекте. И в ее наряд был вложен этот важный жизнеутверждающий смысл, отголосок которого нашел отражение в декоративном оформлении джеляка.

Утрата первоначального смысла со временем привела к тому, что ритуальный костюм стал постепенно терять четко выраженную смысловую определенность. Но вместе с тем он становился все более определенным в выражении чувств. Для этого использовались все выразительные средства костюма: конструкция кроя, пластика, фактура материала, цвет, рисунок узора, декоративная отделка, аксессуары. Они наполнялись большой эмоционально-чувственной выразительностью, очень часто тяготеющей к приемам гиперболизации. Прекрасной иллюстрацией может служить бухарский женский праздничный костюм конца XIX — начала XX в., в котором ощущение праздника, важного неординарного события выражалось в практической нецелесообразности всего костюма: необычайно широкополая форма платьев, чрезмерная удлиненность рукавов (нередко доходивших до низа подола), мажорное звучание цветовой палитры ткани, обилие золотошвейного декора, многоярусное нагромождение ювелирных украшений.

Сложение художественного образа узбекского национального костюма происходило примерно так же, как в дизайне, т. е. на основе логической связи основного назначения костюма с его дополнительными смыслами и значениями⁶. Но в отличие от дизайна, где практическая характеристика вещи всегда была доминирующей, содержание узбекского национального костюма в одних одеяниях несло преобладающий практический смысл, в других — духовный. Такое принципиальное различие в содержательном строе узбекского национального костюма свидетельствует о наличии у него двух типов образности: рационально-практической и символической. Первый тип направлен на рациональное выявление практической сущности костюма, второй — на более интенсивное выражение духовно-эстетических идеалов общества. А это дает основание для размежевания узбекского национального костюма на два крупных класса: повседневный практический костюм и ритуальный — праздничный, свадебный, траурный.

Переход содержания в форму в каждом конкретном костюме осуществлялся последовательно на трех основных уровнях: конструктивно-пластическом, плоскостно-декоративном и ансамблевом. На конструктивно-пластическом уровне отдельные элементы костюма (рубашку, платье, халат, шаровары и т. д.) раскраивали на основе западноазиатского или восточноазиатского туникообразного кроя либо сложного фигурного кроя европейского типа. На плоскостно-декоративном уровне все элементы костюма украшали, используя выразительные средства таких традиционных узбекских ремесел, как ткачество, вышивка, золотое шитье, аппликация, набойка, ювелирное искусство. На ансамблевом уровне разрозненные элементы костюма собирали в единое целое и дополняли аксессуарами — головным убором, обувью, поясом, ювелирными украшениями, создавая целостный художественный образ.

В этом процессе активное участие принимала эстетическая функция. Но свое непосредственное воплощение она получала через ряд функций социальной принадлежности: у каждой этнической, локальной и социальной группы узбекского народа в ходе многовековой исторической практики сложилась своя самобытная гармония, свой порядок художественной организации содержания костюма. Это проявлялось в своеобразном ритме конструктивных, пластических, линейных и цветовых соотношений, в характере декора, наборе конкретных вещей и аксессуаров костюма.

Всякое упорядоченное явление несет определенную информацию⁷. Оно становится знаком соответствующей среды. И каждый узбекский национальный костюм становится средоточием сразу нескольких знаков, точнее — коммуникативных смыслов,

⁵ См.: Фадеева И. Е. Народное искусство как пластический фольклор. — Советское искусствознание, 78, М., 1979, с. 293.

⁶ См.: Демосфенова Г. Л. К проблеме художественного образа в дизайне. — Труды ВНИИТЭ, М., 1980, с. 46.

⁷ См.: А ф а с и ж е в М. Н. Указ. соч., с. 174.

по которым можно было судить: когда и где проживал его носитель, к какой этнической, сословной или половозрастной группе он принадлежал, какое важное событие отражал костюм. Но расшифровать эту информацию, до конца понять тот или иной костюм возможно лишь с учетом той общественной среды, в которой он создавался. А это значит, что художественный облик узбекского национального костюма, его образная система были тесно связаны не только с его назначением, но и со всем строем материально-духовной жизни узбекского народа — его этногенезом и историческим прошлым, трудовой деятельностью и бытовым укладом, политическим устройством и культурными взаимосвязями, миропониманием и идеологическими воззрениями.

Таким образом, узбекский национальный костюм конца XIX — начала XX в. представлял собой одновременно вещь «второй» природы и произведение искусства, материальную и духовную ценность. Он взаимодействовал с такими внешними изменчивыми объектами, как человек, природно-климатическая среда, общество. Вследствие этого его сложная функциональная система, находившаяся в состоянии постоянного обновления, приобрела открытый динамический характер. Она состояла из множества функций: практических, духовных, эстетических, обозначения социальной принадлежности.

Каждый конкретный костюм формировался под воздействием нескольких практических и духовных функций, являвшихся одновременно его содержательной частью. При этом одна из практических или духовных функций была лидирующей, выступала главным структурообразующим началом, вокруг которого происходили сцепление всех целей и смыслов костюма в единый содержательный строй, сложение его преобладающей практической или духовной направленности, формирование его типологии.

Характер воплощения содержания костюма зависел от эстетической функции и ее конкретной интерпретации функциями социальной принадлежности, которые, будучи условием существования костюма, определяли порядок художественной организации содержания костюма, делали его знаком той среды, в которой он сформировался. Это придавало узбекскому национальному костюму дополнительные смыслы и значения, делало его полисемантическим.

Л. В. Ундерова

ВОПРОСЫ НРАВСТВЕННОСТИ В ТРУДАХ ИБН СИНЫ

Среди богатого наследия, оставленного нам выдающимся среднеазиатским ученым-мыслителем эпохи средневековья Абу Али ибн Синоем, важное место занимают его произведения (более десяти), посвященные вопросам нравственности.

Создавая свои труды в эпоху феодализма, Ибн Сина сумел поднять проблемы общечеловеческой важности, решение которых должно было определить дальнейшее развитие этики.

К сожалению, далеко не все произведения мыслителя дошли до нас. Многие неопубликованные его труды находятся в рукописном виде в различных библиотеках мира. Однако и те, что известны нам, позволяют судить о большом вкладе великого ученого-энциклопедиста в развитие этической мысли.

В исторических и библиографических произведениях различных авторов¹ приводятся следующие произведения Ибн Сины по этике: «Рисала фи-л-ахлак» («Трактат об этике»)², «Тадбир ал-маназил» («Устройство домашнего хозяйства»), «Рисала фи тазкият ан-нафс» («Трактат об очищении души»)³, «Китаб ал-нисаф» («Книга о справедливости»), «Китаб сиясат ал-бадан» («Книга об управлении телом»)⁴, «Китаб ал-бирр ва ал-исм» («Книга о добром деянии и грехе»), «Китаб ан-насиха» («Книга наставления»), «Китаб ал-мунажат ва-л маъзара» («Книга обращения и извинения»), «Рисала ла саадата ва ла шакавата фи хазал алам ала ал-итлак» («Трактат [о том, что] нет ни абсолютного счастья, ни абсолютного несчастья в этом мире»)⁵.

Кроме того, этические воззрения Ибн Сины изложены во многих других его трудах, как, например, «Аш-Шифа» («Исцеление»), «Уюн ал-хикма» («Источник муд-

¹ См., напр.: Саид Нафиси. Пури Сина. Техран, 1954, с. 9—33; Джордж Шахата Канавати. Муаллафат Ибн Сина. Аль-Кахира, 1950; Яхья Махдави. Фихрист нухахан мусаннафат Ибн Сина. Техран, 1954; Мирзаев С. Ибн Сионинг Шарқшунослик институтида мавжуд асарлари (библиография). Тошкент, 1955; Вахабова Б. А. Рукописи произведений Ибн Сины в собрании Института востоковедения АН УзССР. Ташкент, 1982.

² Данный трактат известен также под названием «Трактат о науке этики» (Рисала фи илми ахлак). См.: Ибн Сина. Тус'а расаил. Аль-Кахира, 1908, с. 152—156. Часть этого трактата была переведена автором совместно с А. Шариповым (см.: Общественные науки в Узбекистане, 1980, № 8—9).

³ Этот трактат известен также под названием «Рисала фи ал-ахд» («Трактат об обете»). См.: Вахабова Б. А. Рукописи произведений..., с. 43.

⁴ Копия рукописи данного трактата хранится в рукописном фонде ИВ АН УзССР под № 2385/XX. См.: Мирзаев С. Указ. соч., с. 23—25.

⁵ См.: Вахабова Б. А. Рукописи произведений..., с. 47.

рости), «Даниш-наме» («Книга знания»), «Урджуза фи-т-тибб» («Урджуза по медицине») ⁶ и др.

«Трактат об этике» ⁷ Ибн Сины, несмотря на небольшой объем, по значимости своей стоит в одном ряду с другими его трудами, посвященными проблемам нравственности. Рукопись его хранится в фондах ИВ АН УзССР. В этом труде Ибн Сина дает предельно точное определение таких этических категорий, как мудрость, воздержание, умеренность, щедрость, терпение, доброта, выдержанность, знание, красноречие, пронизательность, благоразумие, решительность, искренность, верность, стыд, усердность, скромность и др.

Говоря о категориях нравственности, которые диктовались практическими целями ⁸, Ибн Сина своеобразно решает эту проблему. Все пороки и добродетели он классифицирует по трем духовным силам: чувственной, гневной и различительной, — что позволяло ученому глубже рассмотреть специфику каждой категории.

Особый интерес представляет положение Ибн Сины о том, что различные нравственные качества, как благие, так и дурные, являются приобретенными. Эту идею высказывали и некоторые его предшественники, прежде всего Фараби, но наиболее последовательно для того времени она была разработана Ибн Синой.

По Ибн Сине, нравы обретаются посредством привычки и размышления, имеющих в этом отношении одинаково важное значение. Благодаря им мы совершаем плохие поступки, которые, войдя в привычку, могут закрепиться как плохой нрав; равным образом «красивые» поступки могут перерасти в «красивый нрав».

Вслед за Аристотелем Ибн Сина рассматривает человеческие добродетели как нечто среднее между избытком и недостатком. Например, врач, найдя тело горячим, устраняет жар холодом, найдя же его склонным к охлаждению, согревает его теплом. Так и в нравственности: если, наблюдая за собой, мы находим у себя некую недостаточность, то обращаемся в сторону чрезмерности; если же чувствуем склонность к чрезмерности, то влечемся к недостаточному, чтобы соблюсти середину. Однако переход от одного нрава к другому, в частности от порока к добродетели, требует определенного усилия воли.

Диалектика превращения блага во зло была отмечена еще античными философами при характеристике добродетелей. Добродетель, утверждал Аристотель, — нечто среднее между крайностями. Так, лекарство легко превращается в яд, если им пользоваться неумело. Вместе с тем яд (скажем, змеиный) в определенных дозах может служить лекарством.

Ибн Сина, как и Аристотель, считает, что каждый человек, желающий воспитывать в себе хорошие качества, должен вырабатывать умение держаться за справедливую середину, ибо, говорил он, большинство человеческих достоинств пребывает между двумя недостатками. Так, «воздержанность» находится между «алчностью» и «безразличием», «щедрость» — между «скупостью» и «расточительностью», «храбрость» — между «трусостью» и «дерзостью» и т. д.

Одна из сильных сторон этики Ибн Сины состоит в том, что отрицательные и положительные категории он рассматривает не раздельно, а во взаимосвязи друг с другом. В трактате «Об этике» ученый замечает, что каждому человеку, желающему воспитать в себе положительные качества, надо знать, что относится к порокам, чего надо остерегаться. К порокам, которых следует избегать, Ибн Сина относит зависть, сквернословие, сплетню, клевету, донос, ложь, легкомыслие, разглашение тайны, невежество и др. Основой нравственности мыслитель считал добродетель «справедливости». Каждая духовная сила, по его утверждению, при помощи этой добродетели совершенствует совокупность своих добродетелей и их разновидности. Справедливость, по Ибн Сине, относится ко всем духовным силам. Этот факт имеет большое значение для этики Ибн Сины, ибо категория справедливости получает общественное значение, выходя за рамки личностных этических категорий. В этом отношении Ибн Сина развил дальше идеи Аристотеля и Фараби.

Крупным произведением Ибн Сины, посвященным раскрытию этических проблем, является трактат «Тадбир ал-маназил» («Устройство домашнего хозяйства») ⁹. Книга состоит из двух частей. Персидский перевод трактата имеется в рукописном фонде ИВ АН УзССР (№ 11763) ¹⁰. Здесь автор затрагивает ряд проблем функционирования семьи, особенно правильной, продуманной до мелочей организации воспитания детей.

Ибн Сина утверждает, что нравственное формирование человека начинается в семье, где развиваются его способности, приобретаются необходимые навыки и при-

⁶ Ибн Сина. Аш-Шифа (Исцеление); Аль-Хитаба (Риторика). Аль-Кахипа, 1954, с. 60; Абу Али ибн Сина. Избранные произведения. Т. I. Ташкент, 1954, с. 69—202; Ибн Сина. Урджуза фи т-тибб (Урджуза по медицине). См.: Шомисломов Ш. Ибн Синнинг тиб ҳақидаги шеърӣ асарӣ (Уржуза). Тошкент, 1972.

⁷ Данный трактат был дважды опубликован в Каире: в 1908 г. (среди девяти посланий мыслителя) и в 1910 г. (арабским ученым Мухийддином Сабри Курди в сборнике «Мажмуат ар-расаил»).

⁸ Труды по этике Ибн Сина относил к «практической мудрости».

⁹ Ибн Сина. Тадбир ал-маназил. Тегеран, 1954; его же. Осар мунтахаб (чилд дуом). Душанбе, 1980, с. 13—29.

¹⁰ Мирзаев С. Указ. соч. Здесь отмечено, что данный труд Ибн Сины был переведен в 1930 г. Мухамедом Нажми Занзани в Тегеране.

вычки. Поэтому перед семьей стоит задача огромной трудности и важности. Супруги с самого начала семейной жизни должны быть ознакомлены с методами воспитания детей, ибо одним из благих начинаний является производство себе подобных, воспитание в них хороших, полезных обществу качеств.

Успех семейного воспитания, считал Ибн Сина, в конечном итоге основывается на авторитете родителей, на понимании ими самой цели воспитания. Поэтому они должны проявлять по отношению друг к другу уважение.

Ибн Сина перечисляет те качества, которыми должна обладать каждая женщина. Он считает, что она должна быть «умной, проницательной, милой, любящей своего мужа и детей, не болтливой, чистосердечной, целомудренной, сдержанной, гордой, скромной, исполнительной, экономной и бережливой, быть опорой мужа в трудные минуты»¹¹.

Родители обязаны удерживать ребенка от недостойных поступков и воспитывать в нем благородные качества. Такое воспитание дается нелегко. Для этого требуются, наряду с умением прощать, и некоторые принудительные меры. Если же они не действуют, то можно применить и силу. Однако Ибн Сина рассматривает силу как крайнюю меру и не советует злоупотреблять ею.

Ибн Сина высказывает здесь превосходные мысли о ремесле и его значении как фактора, влияющего на нравственное воспитание людей. Достойны внимания его слова: «Молодой человек сам должен добывать на жизнь, а не надеяться на состояние своих родителей»¹². Это положение противостояло моральным догмам феодального общества, согласно которым труд является «уделом низших».

Задача воспитания, по Ибн Сине, заключается не только в том, чтобы научить ребенка трудиться, но и привить ему взгляд на труд как почетную обязанность, ибо нравственный облик человека, его моральные качества выковываются в жизненной практике под воздействием разнообразных социальных факторов.

Ибн Сину занимала также проблема подбора учителей. Он считал, что для воспитания ребенка следует находить опытного воспитателя, который наряду с трудовыми качествами будет прививать ему и нравственные: «Учитель и воспитатель ребенка должен быть образованным и нравственным, в воспитании ребенка должен быть прозорливым, знающим, гордым, хладнокровным, великодушным, честным, обладать умением собеседования и убеждения»¹³.

Трактат Ибн Сины «Об очищении души», или «Обет», несмотря на религиозную тематику, также содержит ценные этические суждения. Автор призывает людей к умеренности, воздержанию, советует слушать музыку, чтобы получать удовольствие, регулировать свое поведение так, чтобы сохранить здоровую натуру и оставить наследство.

Вопросы нравственности трактуются мыслителем и в произведении «Даниш-наме» («Книга знаний»), представляющем собой энциклопедию философских, логических, физических знаний. Здесь поднимается, в частности, проблема добра и зла. Добро, по Ибн Сине, бывает двояким: по расчету и по благородству. Везде, где есть обмен, есть и расчет. В простонародье под расчетом понимают обмен, а похвала и благодарность предметом обмена не признаются.

Ибн Сина считал, что человек в своей деятельности независим и является творцом как добрых, так и дурных поступков. Источники нравственности ученый тесно связывал со средой. Под влиянием здоровой среды мораль «улучшается и исправляется». нездоровая же среда приводит к «порче» морали.

В книге «Аш-Шифа» («Исцеление») Ибн Сина дает описание различных форм человеческого поведения. К позорным он относит такие явления, как «бегство от наступающего войска, захоронение клада, совершение несправедливости, сильное желание сделать кому-нибудь плое, моральное падение, ограбление, прошение милостыни у бедных, чрезмерная скупость, неумолимость, несправедливый суд над бедняком»¹⁴. О дружбе он пишет, что «это такое состояние человека, когда возникает желание сделать для кого-нибудь (не ради себя) добро. В таких случаях у человека вырабатывается качество, побуждающее его сделать добро по отношению к другому человеку»¹⁵.

Истинность дружбы, по Ибн Сине, познается по таким признакам: «весело ли тебе, когда весел твой друг, грустно ли тебе, когда грустит твой друг». И далее он замечает: «Тот, кто дружит с твоим врагом, не является твоим другом. Всякий, кто является другом твоего врага, есть враг. Никакой друг твоего врага не бывает другом тебе»¹⁶.

В произведении Ибн Сины «Уюн ал-хикма» («Источник мудрости») мы находим определение этики: «Этика — наука, которая указывает путь человеку и ведет к счастью, она должна подготовить таких людей, которые бы жили не только ради себя, но и ради общества, думали не только о своих интересах, но и об интересах общества»¹⁷.

¹¹ И б н С и н а. Тадбир ал-маназил, с. 37.

¹² Там же, с. 44.

¹³ Там же, с. 20—21.

¹⁴ И б н С и н а. Аш-Шифа, с. 137.

¹⁵ Там же, с. 135.

¹⁶ Там же, с. 135—142.

¹⁷ И б н С и н а. Уюн ал-хикма, с. 60.

В противовес религиозным взглядам Ибн Сина утверждал, что искать счастье где-то на небесах бессмысленно, каждый человек — кузнец своего счастья.

Анализ трудов великого ученого-энциклопедиста показывает, таким образом, что Абу Али ибн Сина был одним из зачинателей прогрессивной этической мысли на средневековом Востоке.

Х. И. Джамматова

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

О НОВЫХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯХ В САМАРКАНДСКОЙ ОБЛАСТИ

У юго-восточных границ Самаркандской области, в предгорьях Туркестанского хребта, до недавнего времени не было обнаружено следов деятельности людей в эпоху первобытности.

В 1969 г. в результате поисков следов каменного века на территории Булунгурского района Самаркандской области была открыта верхнепалеолитическая стоянка Ходжамазгиль¹, стационарные исследования которой начаты Самаркандским палеолитическим отрядом Института археологии АН УзССР с 1981 г.

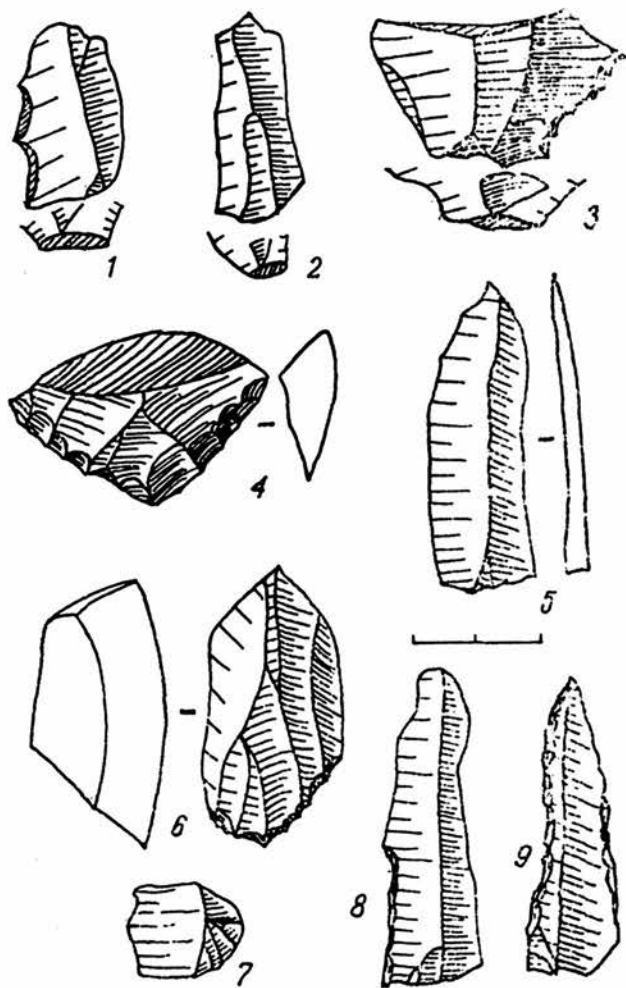

Рис. 1. Образцы каменных изделий из Каттакишлака (1—6) и Гишали (7—9).

В культурном горизонте стоянки собран богатый набор разнотипных каменных орудий, включая скобели, ножи, скребки, резцы, проколки и др., очевидно, использовавшиеся в охотничьей, хозяйственной жизни древних обитателей Ходжамазгиля.

В результате археологических разведок Булунгурской горной зоны нами в двух пунктах из восьми обследованных саев были обнаружены следы каменного века: в местечке Каттакишлак, в 4—5 км к северо-востоку от Ходжамазгиля, и у селения Гишали, в 7—8 км к юго-востоку от Ходжамазгильской стоянки.

¹ Аскарлов А. А., Ташкенбаев Н. Х. Древнейшее прошлое Самарканда.— Общественные науки в Узбекистане, 1970, № 9, с. 79—84.

Предварительное изучение Каттакишлакского местонахождения дало небольшое количество каменных предметов.

Подъемный материал (8 экз.) был собран у старых развалин кишлака. В составе его — два отщепа из кремня темно-зеленого цвета. Первый экземпляр имеет двухгранную спинку, на одном из краев — две выемки. Ударная площадка гладкая, ее угол к ударной плоскости равен 90° , размер изделия: длина — 3,0, ширина — 2,0, толщина — 0,7 см (рис. 1, 1). Найдены также четыре кремневые пластины, две из них — целые, малого размера, с хорошо сохранившимися на спинке параллельными гранями (рис. 1, 2). Остальные две — намеренно фрагментированные пластины.

Среди орудий отметим одно комбинированное — скобель-проколка на фрагменте крупной пластины из кремня светло-коричневого цвета (рис. 1, 3). Скобящее лезвие создано на одном крае заготовки путем образования выемки с дополнительной подправкой, а выступающее острие, вероятно, использовалось в качестве проколки. Интересен и фрагмент ножевидного орудия. Лезвие создано путем нанесения плоской, чешуйчатой ретуши; параметры: $4,0 \times 2,5 \times 1,0$ см (рис. 1, 4).

В целях выяснения стратиграфии данного палеолитического местонахождения был заложен разведочный шурф (1×1 м). На глубине 1,50 м от дневной поверхности в слое суглинка буроватого цвета была найдена кремневая пластина светло-коричневого цвета (рис. 1, 5), на спинке которой сохранились две параллельные грани ($5,0 \times 1,5 \times 0,3$ см). Рядом с нею обнаружен осколок кремня такого же цвета ($1,4 \times 0,7 \times 0,3$ см).

На глубине 1,65 м выявлен уникальный верхнепалеолитический килевой скребок высокой формы (рис. 1, 6). Он создан на нуклеидной кремневой основе темно-коричневого цвета. Рабочее лезвие — выпуклое, его угол — 50° . Боковины изделия удобны для прочного захвата орудия большим и указательным пальцем правой руки.

Находки каменных изделий у кишлака Гишали также свидетельствуют о пребывании там первобытного человека.

Среди шести найденных нами каменных предметов — три кремневых отщепа. Два из них — из кремня темно-коричневого цвета, их размеры — $2,5 \times 2,2 \times 0,8$ и $3,0 \times 3,5 \times 1,1$ см. Третий экземпляр имеет со стороны спинки следы мелкой, чешуйчатой подретушировки. Возможно, данное изделие использовалось в качестве скребочка. Параметры орудия — $5,0 \times 1,5 \times 0,4$ см (рис. 1, 7).

Обнаружены также две пластинки с параллельными гранями. Одна из них, из кремня светло-коричневого цвета, патинизирована, на одном из краев сохранились следы утилизации. Размеры изделия — $5,0 \times 1,5 \times 0,3$ см (рис. 1, 8). Другая пластинка имеет на обоих продольных краях вторичную обработку. Один край заострен мелкой ретушью, образуя острое рабочее лезвие, а второй — затуплен крутой зубчатой ретушью. От сильной патинизации изделие приобрело белый, меловой оттенок; его параметры — $4,9 \times 1,4 \times 0,5$ см (рис. 1, 9).

Каменный инвентарь новых палеолитических местонахождений, как и Ходжамазгильской стоянки, аналогичен инвентарю Самаркандской верхнепалеолитической стоянки², Сиабского верхнепалеолитического местонахождения³.

В технико-типологическом отношении каменная индустрия памятников Булунгурской зоны типична для верхнепалеолитического этапа древнекаменного века Зарафшанской долины.

Техника расщепления — призматическая с примесью дисковидного раскалывания. Типологически это — ретушированные пластины и отщепы, причем доминируют верхнепалеолитические орудия — скребки, проколки, резцы и т. д.

Для каменного инвентаря памятников Булунгурской зоны, как и всего верхнего палеолита Средней Азии, характерно долгое переживание архаичных приемов раскалывания камня.

Н. Х. Ташкенбаев

² Лев Д. Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде. — Труды СамГУ, № 135, 1964.

³ Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент, 1980, с. 80—86.

БАКТРИЙСКИЙ МУЗЫКАНТ С ФЛЕЙТОЙ ПАНА

В 1983 г. при исследовании жилого квартала (раскоп 6) городища Зартепа в яме-свалке, прорезавшей два верхних уровня полов помещения 141, был обнаружен фрагмент терракотовой статуэтки с изображением музыканта, играющего на сиринксе (рис. 1).

Барельефное изображение оттиснуто штампом на плакетке с овальным верхом (нижняя часть статуэтки отбита). По контуру плакетки отпечатались закраины формы, образовавшие двойной бортик. Голова музыканта выделяется на гладкой плоскости фона, его плечистая фигура располагается во всю ширину плакетки. Обратная сторона плакетки обработана гладким инструментом (возможно, ножом). Боковые стороны также подрезаны. Глина оранжевая, с небольшой примесью песка. Вся фигурка покрыта темно-красным ангобом способом окунания. Выступающие части изображения сильно потертые.

Высота сохранившейся части терракоты — 8,5 см, ширина — 5,7, толщина — 2,7 см (при этом высота «фона» плакетки — 1,5 см, высота барельефа — 1,2 см). Го-

лова по сравнению с плечистым туловищем небольшая, хотя ее размер не совсем соответствует нормам пластической анатомии (высота головы составляет не $\frac{1}{4}$, а $\frac{1}{3}$ поколенной фигуры). Не соответствуют узкому туловищу непропорционально широкий плечевой пояс, а также длинные согнутые в локтях под острым углом руки, прижимающие к груди инструмент.

Композиция фигуры — строго фронтальная. Лицо плоское, продолговатое; подчеркнут абрис лба, глазных впадин, слегка округлых щек, асимметрично срезанных к подбородку. Высокий и широкий лоб — неровно выпуклый, с небольшой продавленной серединкой — выемкой (у линии прически). Широкие, прямые брови детализированы пластической моделировкой и переходят в линию носа. Глаза крупные, в величину глазных впадин, рельефные веки широко расставлены, между ними — выпуклые глазные яблоки; еле заметны углубленные точки — зрачки. Рот, помещенный довольно близко под носом, в небольшой впадине, слегка приоткрыт; губы полные, прямых очертаний, нижняя губа короче верхней. Фронтальную композицию лица подчеркивают крупные уши, округлые раковины которых трактованы в анфас. Высокая шея прикрыта инструментом. Монолитный обобщенный корпус фигуры музыканта прямоуголен по очертаниям.

Самобытны прическа и одежда музыканта. Прическа представляет собой довольно пышный валик из поднятых волос, зачесанных крупными пучками полунавверх вокруг диадемы, переданной над серединой лба поперечными короткими рельефными черточками, разделенными горизонтальным желобком. Туника, ниспадая с плеч прямыми параллельными складками, черетяпуга в талии косо повязанным поясом, ниже которого складки расходятся веерообразно.

Флейта Пана — довольно крупная по величине, ее длина соответствует расстоянию от подбородка почти до пояса музыканта. Состоит она из семи скрепленных поперечными широкими планками дудочек. Дудочки различной величины заканчиваются снизу и сверху раструбами. Трубочки сверху инструмента располагаются не на одном уровне (не под линейку). Они составляют небольшой треугольный выступ, упирающийся в подбородок флейтиста; низ инструмента косо срезан в левую сторону. Он состоит из тесного ряда трубочек, раструбами прижатых друг к другу. Принцип игры на этом многоствольном инструменте основан на извлечении звуков разной высоты, получаемых при вдувании воздуха то в одну, то в другую трубку, прикладываемую к губам музыканта.

Статуэтка, судя по технике изготовления, является местным изделием. Подрезка острым инструментом, окувание фигурки в раствор ангоба, состав теста отражают

традиционные приемы ремесленного производства «столовой» посуды, находимой в пределах раскопанной части квартала и явно изготовленной гончарами Зартепа. К тому же публикуемая статуэтка музыканта — не единственная из находок на городище; первая статуэтка была найдена в подъемном материале еще Л. И. Альбаумом и изображает, видимо, обезьянку с сиринксом¹. Инструмент, как и сама статуэтка, выполнен в технике ручной лепки. Шестиствольный сиринкс передан налепом квадратной формы с вертикальными бороздами.

Изображения музыканта с сиринксом на терракотах Средней Азии пока известны лишь в Бактрии. Иноземный музыкальный инструмент греко-римского происхождения на местных бактрийских статуэтках — явление достаточно самобытное. На принадлежность рассматриваемой статуэтки к местному бактрийскому ареалу культуры указывает не только инструмент, но и облик изображаемого музыканта. Прическа типично бактрийская: волосы уложены с двух сторон вокруг поперечной диемы. Вариант такой прически можно видеть у Дионнуса на фаларе из Душанбе², на головках женских персонажей ритонов Нисы³.

Г. А. Пугаченкова, исследуя генезис такого типа прически, приходит к выводу о том, что она не встречается на памятниках искусства ни в греко-римском мире, ни в Индии. На этом основании автор делает заключение, что такая прическа характерна для бактрийских и восточно-парфянских областей II—I вв. до н. э.⁴ Из Бактрии она проникает затем в соседнюю область — Гандхару (Таксилу, Сват) и Матхуру⁵.

Уши персонажа также явно выполнены в пластических традициях местного бактрийского искусства⁶.

Безрукавная складчатая туника греко-иранского типа — вариант одежды, уже не раз воспроизведенный на терракотах Кушанской Бактрии⁷.

Все приведенные бактрийские параллели убедительно доказывают, что статуэтка музыканта с сиринксом из Зартепа является местным терракотовым изделием. По содержанию этот образ, несомненно, связан с дионнисийским и образами, запечатленными в бактрийских памятниках ваяния⁸.

Появление в Бактрии флейты Пана — типичного инструмента греко-римского мира — явление закономерное. Миграция этого инструмента в эллинистическую эпоху происходит в разных направлениях: на север, на территорию Германии⁹, в птолемеевский Египет¹⁰, где флейта Пана была составной частью многоголосного инструмента — прототипа органа, существовавшего (в Александрии) с III в. до н. э.¹¹ О широком использовании флейты Пана в культовой музыке Селевкидской державы и Западной Парфии свидетельствуют терракоты¹². На ритонах Парфянской Нисы также изображен сиринкс в руках участников процессов и мифологического персонажа Си-

¹ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, с. 27, рис. 12.

² Тревер К. В. Бактрийский бронзовый фалар с изображением Дионнуса. — Труды Государственного Эрмитажа, т. V, Л., 1961, с. 98.

³ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Парфянские ритоны. Альбом. М. — Ашхабад, 1956—1958, табл. CXIV, CXIX, CXX и др.

⁴ Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М., 1967, с. 30.

⁵ Интересное схематическое воспроизведение подобной прически на статуэтке музыканта с сиринксом из Матхуры см.: Kaufmann W. Altindien Musikgeschichte in Bildern. B. II: Musik des Altertums (Lieferung 8). Leipzig, 1981, S. 128. Abb. 84.

⁶ Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М., 1979, с. 9; Зеймаль Е. В. Амударьинский клад. Л., 1979, № 4, 5, 6, с. 36, 37.

⁷ Мешкерис В. А. Терракоты из Кара-тепе. — В сб.: Кара-тепе в Старом Термезе, М., 1969, с. 127—129; Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна, илл. 41; Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Античное городище Саксанохур. — Советская археология, 1969, № 2.

⁸ Пугаченкова Г. А. Дионнисийская тема в античном искусстве Средней Азии. — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, t. XV, fasc. I, 4 Budapest, 1967, p. 423—428; Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Археологические открытия на юге Таджикистана. — Вестник Академии наук СССР, 1980, 7, с. 129, табл. между сс. 128 и 129; Вызго Т. С., Мешкерис В. А. Терракотовые статуэтки музыкантов из Термеза. — Общественные науки в Узбекистане, 1983, № 2, Бабаев А. Д. Саки, юджи и Северная Бактрия. — В сб.: Скифо-сибирское культурно-историческое единство, Кемерово, 1980, с. 2, рис. 1.

⁹ Ginsberg-Klar Maria E. The archaeology of musical instruments in Germany. — World Archaeology, vol. 12, N 3, February, 1981, p. 312, pl. 79.

¹⁰ Hickmann H. Agypten Musikgeschichte in Bildern, B. II: Musik des Altertums. Lieferung I. Leipzig, 1961, S. 110, Abb. 75.

¹¹ Duchesne-Guillemin. Musik in ancient Mesopotamia and Egypt. — World Archaeology, vol. 12, N3, February, 1981, p. 292.

¹² Ziegler Ch. Die Terracotten von Warka. Berlin, 1962, Taf. 28, 378; Buren (E. Douglas). Clay Figurines Babylonia and Assyria. — Yale oriental series researches, vol. XVI, London, 1931, p. 242, N 1191, 1192; Jngen W. Figurines from Sellucia an Tigris. — University of Michigan Press Humanistik series, vol. 45. Ann Arbor — London, 1935, N 189 (576), 290 (577), 191 (578), 292 (579).

лена¹³. Многоствольную флейту часто можно видеть на памятниках Северо-Западной Индии¹⁴ и Восточного Туркестана¹⁵.

На основании аналогий статуэтка может датироваться достаточно широко в пределах кушанской эпохи. Стратиграфические условия находки, к сожалению, почти не вносят существенных дополнений и уточнений в эту датировку. Во-первых, слой ангоба на сильно стертых выступающих деталях свидетельствует о весьма далекой от оригинала копии, изготовленной в процессе тиражирования в матрице данного иконографического типа¹⁶. Во-вторых, строительная традиция Зартепа (снос обветшавших строений и постройка на их остатках новых) обуславливает переотложенность некоторой части более ранних материалов в верхние, поздние слои, особенно заметную в нумизматическом материале.

Рассматриваемая статуэтка и ее матрица скорее всего относятся к более раннему времени, чем преобладающая на городище керамика IV — первой половины V в.¹⁷ Зартепинская статуэтка флейтиста свидетельствует о проникновении в Кушанскую Бактрию типичного музыкального инструмента эллинистической культуры и о трансформации иноземного образа под воздействием местных древнебактрийских традиций.

В. А. Завьялов, В. А. Мешкерис

¹³ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Парфянские ритоны Нисы.— Труды ЮТАКЭ, т. IV, Ашхабад, 1959, с. 213.

¹⁴ Kaufmann W. Op. cit., S. 124, Abb. 78, 79, 84, 108, 113.

¹⁵ Сорокин С. С. Древние художественные изделия из Хотана.— В кн.: Дьяконова Н. В., Сорокин С. С. Хотанские древности, Л., 1961, с. 29, табл. 22, 805, 806; Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, с. 85, табл. 21.

¹⁶ Зеймаль Т. И. Терракоты Северного Тохаристана.— В кн.: Бактрия — Тохаристан на древнем и средневековом Востоке, М., 1983, с. 42—44.

¹⁷ Завьялов В. А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зартепе в 1975—1976 гг.— Советская археология, 1979, № 3, с. 153.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

МЕРИЛИН РОБИНСОН УОЛДМЕН. К ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ. НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ ИЗУЧЕНИЯ ИРАНСКОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(Издательство Университета штата Огайо, Колумбус, 1980, 214 с.)

Рецензируемая монография профессора университета штата Огайо (США) Мерилин Робинсон Уолдмен¹ посвящена литературоведческому анализу известной хроники Абу-л-Фазла Байхаки «История Мас'уда» (XI в.).

До недавнего времени произведение средневековой историографии Востока рассматривались преимущественно как источник сведений по истории различных стран и эпох, хотя литература такого рода, помимо ее информативной ценности, является одним из жанров средневековой прозы. Исследования хроник с позиций литературоведения, с одной стороны, позволят шире и глубже отразить мировоззрение их авторов, точнее определить их отношение к описываемым событиям и лицам, а потому с большей основательностью установить степень их достоверности. С другой стороны, насущная необходимость литературоведческого изучения хроник диктуется необходимостью восполнить пробел в освещении истории литератур Востока, неотъемлемую часть которых составляет жанр исторических хроник. Вопрос о таком подходе к произведениям историографии ставился рядом советских исследователей, в том числе видным ученым-востоковедом А. К. Арэндсом².

В зарубежном востоковедении до настоящего времени еще единственным в своем роде трудом в этой области является рецензируемая монография М. Р. Уолдмен. Книга состоит из семи разделов (с. 3—142), которым предпосланы такие традиционные рубрики, как выражение признательности ученым, оказавшим помощь автору в работе (с. XI), замечания по транслитерации, принятой в монографии (с. XIII), общие замечания по мусульманскому календарю (с. XIV). После исследовательских разделов помещены приложения: А — генеалогия Газневидов (с. 143) и Б — 12 фрагментов из «Истории Мас'уда» Байхаки в переводе на английский язык (с. 145—197), глоссарий (с. 199—203), библиография (с. 205—219) и общий указатель (с. 211—214).

В первом разделе — «О методе средневековых³ мусульманских исторических по-

¹ Marilyn Robinson Waldman. Toward a Theory of Historical Narrative. A Case Study in Perso-Islamicate Historiography. Ohio State University Press, Columbus, 1980.

² Абу-л-Фазл Байхаки. История Мас'уда (1030—1040). Пер. с перс., введение, комментарий и приложения А. К. Арэндса. Изд. 2-е. М., 1969.

³ М. Р. Уолдмен здесь и в других случаях употребляет термин «premodern»,

вествований» (с. 3—25) — автор справедливо отмечает, что при традиционном подходе к изучению и анализу произведений средневековой историографии исследователя интересует преимущественно фактическая сторона — материал, включенный в ту или иную хронику. Вопрос же о том, почему данный автор обратился именно к такому подбору фактов и изложил их определенным образом, как правило, не подвергался тщательному анализу (с. 5). В этой связи М. Р. Уолдмен обосновывает необходимость более детального исследования того, насколько воззрения историографа повлияли на создаваемую им версию соответствующего периода истории. Этот метод, используемый в западной исторической науке, еще мало применяется в отношении сочинений восточной историографии (с. 6).

Таким образом, работа над текстом средневековой хроники предполагает обязательный учет «контекста», т. е. отношения историографа к описываемым событиям и лицам. Кроме того, необходимы выявление и анализ целей, преследуемых автором (с. 6—7). При этом обращается внимание на важность разграничения продуманной тенденции, намеренно проводимой историографом, и стихийно вводимых им элементов (с. 7). Выявление тенденций возможно при учете всех исторических, социальных и психологических факторов, анализ которых должен предшествовать критике текста.

К стихийно вводимым элементам относится использование условной фразеологии и принятых в соответствующую эпоху терминов (с. 8).

Излагая в этом разделе общие принципы восточной средневековой историографии, М. Р. Уолдмен выделяет характерный принцип дидактики, которому в той или иной мере следуют все средневековые хроники. Нам представляется вполне убедительным общий вывод о том, что исторические факты, как правило, используются как сырой материал для решения и выдвижения ряда проблем нравственного порядка. В результате наиболее важные конкретные события и исторические деятели подводятся под традиционные типы и модели. Образцы отбираются в истории прошлого, в религиозной истории и мифологии (с. 9).

В качестве другой характерной черты мусульманской историографии и вообще литературы М. Р. Уолдмен называет «такую» — склонность к полному или частичному скрыванию подлинных чувств и воззрений. Причину этого автор усматривает в том, что для мусульманских читателей было неприемлемо рассмотрение причинности исторических событий с позиций общечеловеческой логики, ибо считалось, что весь ход истории предопределен свыше и направляется божьей волей. С другой стороны, это, по мнению М. Р. Уолдмена, объясняется политическими соображениями, проявлением осторожности из-за опасения попасть в опалу. На этом основании делается вывод: «Мусульманские истории внешне имеют видимость объективности и беспристрастности, что вело в заблуждение многих современных критиков» (с. 11).

С этим, однако, едва ли можно согласиться. Создание модели исторического процесса в соответствии с представлениями феодального общества — характерная черта преимущественно всех сочинений средневековой историографии как на Востоке, так и на Западе. Кроме того, в данном случае нельзя говорить о попытке скрыть подлинные убеждения историографов средневековья в силу закономерного уровня своих познаний и религиозности, как правило, не сомневались в предшественности всего происходящего в мире. Поэтому нет оснований считать создаваемую в мусульманских хрониках картину мира результатом следования «такые». Более того, не оспариваемая восточными историографами концепция полной зависимости всех событий и поступков людей от воли бога во многих случаях не становится универсальным объяснением происшедшего. Так, Ибн ал-Асир при последовательном выражаемой им мысли о господстве предопределения над судьбами мира зачастую отходит от этого принципа, когда приступает к изложению конкретных событий. Это отмечает и Д. С. Ричардс⁴.

Что касается стремления подчинить характер изложения истории политическим соображениям, связанным с официальным заказом, то такая тенденция безусловно имела место. Но и здесь наблюдаются значительные отклонения даже в официальных придворных хрониках. М. Р. Уолдмен в другом месте сама отмечает наличие «иносказательного подспудного критицизма у Джувейни» (с. 10).

В связи с затронутой проблемой представляется интересным сопоставить, в какой мере и в каких формах было выражено отрицательное отношение к монгольскому нашествию в хронике Джувейни (XIII в.), находившегося на службе у монгольских ильханов, и в «Табакат-и Насири» Джужджани, писавшего в тот же период за пределами монгольских владений. Д. О. Морган, посвящая этой проблеме специаль-

которым обозначаются периоды, предшествующие новому и новейшему времени. С нашей точки зрения, этот термин, весьма распространенный в современных западноевропейских и американских исторических исследованиях, является принципиально неверным, ибо не передает специфику эпохи, не отражает формацию и связывается как с феодальным, так и с капиталистическим общественным строем. В целях внесения ясности и в связи с тем, что М. Р. Уолдмен касается преимущественно проблем державы Газневидов (X—XI вв.), мы передаем термин «premodern» как «средневековый», что соответствует термину «medieval».

⁴ Richards D. S. *Ibn al-Athir and the Later Parts of the Kamil: A Study of Aims and Methods. — Medieval Historical Writing in the Christian and Islamic Worlds*, London, 1982, p. 95.

ную статью, приходит к выводу, что в оценке бедственных последствий монгольского нашествия принципиальных расхождений между этими двумя историографами не наблюдается⁵.

Таким образом, подраздел «Эзотеризм», включенный в первый раздел (с. 10—12), с нашей точки зрения, не отличается конкретностью и не представляет той или иной специфической черты восточной историографии. Но дело не только в этой части. В ходе дальнейшего исследования М. Р. Уолдмен часто возвращается к понятию «такья» и связывает его с некоторыми случаями иносказательности или метафоричности. Мы полагаем, что, во-первых, роль отмеченных явлений в мусульманских хрониках сильно преувеличена. Во-вторых, едва ли возможно применять сугубо религиозный термин, связанный с практикой скрывания подлинных религиозных убеждений, принятую у шиитов, со светской литературой.

В известной мере М. Р. Уолдмен противоречит себе в следующем подразделе — «Интерпретация посредством структуры». В нем излагается и обосновывается важная идея о том, что средневековые историографы редко прибегали к открытым декларациям своих суждений и оценке описываемых событий; чаще всего они выражают свое отношение к ходу истории и поступкам исторических деятелей посредством особого подбора фактов, размещения материала и введения исторических параллелей. Так, не высказывая прямо своего мнения, они тем не менее достаточно полно передавали свою позицию через акценты, подводя читателя к определенным выводам, которые уже не было необходимости формулировать. Например, М. Р. Уолдмен справедливо обращает внимание на то, что Байхаки путем сопоставления вскрывает противоречие между явными и сокровенными ценностями. С одной стороны, он утверждает, что человеку не дано постичь людей и то, что ими движет, — это только во власти бога, историограф же может лишь фиксировать происходящее. Но фактически во всей своей хронике Байхаки делает акцент именно на анализе внутреннего мира человека (с. 12—13). Поэтому мы полагаем, что в отношении средневековой историографии едва ли можно говорить об эзотеризме как о характерной черте всех хроник всех периодов. Иносказательность — еще далеко не «тайный язык», доступный для узкого круга посвященных. Об эзотеризме можно говорить только применительно к конкретным произведениям и даже их частям.

Второй раздел — «Жизнь и эпоха Абу-л-Фазла Байхаки» — содержит подробный исторический очерк и основные вехи в изучении «Истории Мас'уда» (с. 26—50). Третий раздел — «Метод секретаря, выступающего в роли историка: анализ структуры и содержания «Тарих-и Байхаки» (с. 51—78). Здесь, приступая к непосредственному анализу «Истории Мас'уда», автор пытается объяснить необычность структуры данной хроники. При этом отмечается, что Байхаки, нарушая сложившиеся каноны летописания, включает вставные рассказы в изложение современных или близких ему по времени событий. При традиционном разделении хроники по годам он часто совершает весьма пространственные экскурсы в прошлое. Обращая внимание, как и другие исследователи, на необычность и даже уникальность такого построения, автор объясняет это тем, что Байхаки не был «профессиональным» историографом и потому нарушал принятые нормы. В дальнейшем исследовании эта мысль развивается и обосновывается особым пристрастием Байхаки к конкретным деталям и к помещению в хронике подлинных писем или документов (с. 63—67).

Такое мнение представляется нам не вполне обоснованным: Байхаки неоднократно отмечает, что его не удовлетворяет традиционный метод составления хроник, ограниченный воспроизведением последовательности исторических событий. Его цель — «вымести прах из всех углов и закоулков, дабы ничто из происшедшего не осталось сокрыто»⁶, т. е. создать реалистическую картину окружавшей его обстановки и передать индивидуальные черты характеров исторических деятелей. Поэтому его метод максимального приближения к исторической действительности является продуманным и последовательным и не может оцениваться как результат отсутствия у Байхаки навыков летописания.

Вместе с тем заслуживает внимания мысль автора, что исторические параллели вводятся Байхаки с тем, чтобы его читатели извлекли из истории прошлого уроки нравственности (с. 60). М. Р. Уолдмен делает правильный, с нашей точки зрения, вывод, что «Байхаки стремится установить равновесие между серьезным интересом к подлинности истории и ее нравственной ценностью. Он явно не ограничивается интересом только к моральным ценностям, не пытается втиснуть историю в рамки эталонов» (с. 61).

М. Р. Уолдмен утверждает, что Байхаки в известной мере противостоит тенденции придворной историографии помещать в центре повествования фигуры представителей той или иной династии. Ареал его интересов гораздо шире, хотя тоже связан с придворными кругами. Это так, но мы не совсем согласны с точкой зрения М. Р. Уолдмена, что, упоминая о простом народе, Байхаки воспринимает его лишь как толпу, принимающую участие или реагирующую на то или иное событие (с. 64—65). Такое отношение к простому народу вполне закономерно для средневековой историографии, но Байхаки проявляет и в этом не совсем традиционный взгляд на вещи. В ряде случаев он противопоставляет интересы султана интересам народа, который

⁵ Morgan D. O. Persian Historians and the Mongols.— Medieval Historical Writing..., p. 110—114.

⁶ Байхаки. История Мас'уда..., с. 18.

делится им на различные общественные группировки по имущественному принципу. Он подчеркивает, что положение вельмож и бедноты не однозначно⁷. Кроме того, отношение Байхаки к конкретным монархам столь откровенно критическое⁸, что едва ли может считаться традиционным. М. Р. Уолдмен убедительно доказывает это, опровергая высказывание Босворта (с. 82—83).

Третий раздел монографии завершается изложением мнений многих исследователей, пытавшихся определить истоки необычности хроники Байхаки. С одной стороны, они (А. Лютер, Р. Сейвори) фиксируют редкостную приверженность историографа реалистическим деталям и подлинным документам. С другой, — они отмечают, что во вставных рассказах из истории прошлого Байхаки, как правило, отступает от имевшихся хроникальных записей и приспособливает описание давних событий к изложению истории своего времени. Но и при таких отклонениях Байхаки сохраняет характерную для него приверженность реалистическим деталям, наделяя исторических деятелей прошлого индивидуальностью и реалистически описывая их психологические состояния (с. 67—75). Как М. Р. Уолдмен, так и цитируемые ею исследователи не приходят к определенному выводу по вопросу — почему в одном случае Байхаки проявляет безупречную точность в воспроизведении документов, а в другом допускает поразительную вольность.

С нашей точки зрения, ответить на этот вопрос можно лишь на основе гораздо более широких сопоставлений. Во-первых, необходимо учитывать характер эволюции восточной историографии вообще и рассматривать творчество Байхаки как этап, соответствующий наиболее высокому уровню развития культуры средневекового Востока. Эпоха, к которой следует отнести Байхаки, отмечена расцветом точных наук и поэзии, которой в значительной степени присущи элементы реалистичности (вспомним, например, творчество Рудаки). Во-вторых, выдающийся талант Байхаки не укладывается в рамки традиционной средневековой историографии. «Историю Мас'уда» следует признать отчасти исторической повестью, в которой автор не ограничивается фиксированием подлинных событий. Его цель гораздо шире — воссоздать облик своих современников и выразить свое отношение к судьбам конкретных людей и всего человечества. Соответственно целям Байхаки, современные исследователи должны оценивать его произведение и как историческую хроникку, и как уникальный образец средневековой прозы. Только такой подход с позиций литературоведения позволит понять вставные рассказы Байхаки не как погрешность в воспроизведении исторических документов, а как художественное обобщение и форму самовыражения.

В ряде случаев, преимущественно в четвертом разделе — «Узор на ковре Байхаки: Тематический анализ «Тарих-и Байхаки» (с. 79—108) — М. Р. Уолдмен обращается к проблеме влияния суфизма на воззрения Байхаки, хотя не посвящает этому специальный раздел. Касаясь вопроса обретения мудрости, необходимой для управления государством, Байхаки говорит, что главную роль в этом играет самопознание, т. е. познавая свою сущность, человек становится мудрым. Приводя подобные высказывания Байхаки, М. Р. Уолдмен отмечает употребление слов, ставших суфийскими терминами, и находит параллели в Коране, указывая, что эти айаты часто используются в суфийской догматике (с. 84, 86). Она полагает, что некоторую ясность здесь может внести уточнение данных о биографии Байхаки — был ли он членом какого-либо суфийского ордена (с. 95). Далее она усматривает проявление влияния суфизма в характере изложения легенды о Бузурджмихре, везире сасанидского царя Хосрова Ануширвана (531—578), будто бы предкем возникновение ислама. Из всего довольно пространного рассказа Байхаки она обращает внимание на заявление Бузурджмихры: «...Ежели я из тьмы вышел к свету, то уже не возвращусь обратно во тьму, ведь я был бы тогда безумцем и невеждой». Кроме того, особое значение придается тому, что Бузурджмихр, заточенный царем в темницу, был одет в шерстяную власяницу (суф) М. Р. Уолдмен усматривает в этом суфийские символы.

По нашему убеждению, подобный вывод глубоко ошибочен. Вполне закономерно, что поскольку суфизм, при возможном наличии других влияний, сформировался на базе ислама, его система содержит много общемусульманских черт. Поэтому далеко не все идеи, высказываемые суфиями, могут быть показателями приверженности суфизму. Это относится к проповеди самопознания и ко всему рассказу о заточении Бузурджмихры. Рассказ прежде всего передает общемусульманские этические наставления, которые по существу являются общими для любой монотеистической религии и соответствуют нравственным идеалам феодального общества. Даже шерстяная власяница (суф) известна как традиционное одеяние аскетов-отшельников и юродивых самых различных толков.

В силу важности этого вопроса и в связи с тем, что М. Р. Уолдмен настаивает на приверженности Байхаки суфизму, мы считаем целесообразным коснуться ее статьи, опубликованной вслед за рецензируемой монографией. В статье «Семиотика

⁷ Анализ критического отношения Байхаки к султанам Махмуду и Мас'уду Газневидским дан А. К. Арэндсом. См.: Байхаки. История Мас'уда..., с. 18—19.

⁸ Полякова Е. А. Некоторые проявления демократических тенденций в персоязычных исторических источниках XI в.— Общественные науки в Узбекистане, 1982, № 11, с. 45—49; е е же. Некоторые черты социально-политических воззрений в персоязычных хрониках XI — начала XIV вв.— Социально-утопические идеи в Средней Азии, Ташкент, 1983, с. 42—53.

и историческое повествование»⁹ М. Р. Уолдмен принимает за основу теорию семиотики, разработанную в исследовании Умберто Эко¹⁰. В советском литературоведении в ряде работ тоже изложены принципы структурального анализа художественных произведений на основе семиотики, т. е. сведение их к той или иной системе знаков: «Идеиное содержание произведения — структура. Идея в искусстве — всегда модель, ибо она воссоздает образ действительности. Следовательно, вне структуры художественная идея немислима. Дуализм формы и содержания должен быть заменен понятием идеи, реализующей себя в адекватной структуре и не существующей вне этой структуры»¹¹. Другим моментом в системе семиотики, имеющим отношение к рецензируемой работе, является тезис о том, что писатель, «воссоздавая образ действительности», учитывает читательские ожидания»¹².

Эти принципы в теории Умберто Эко излагаются с гораздо большей прямолинейностью. В его понимании всякое изложение факта является той или иной эмблемой действительности и определяется не сходством с действительностью имевшим место событием, а сходством с общепринятым представлением о нем, обусловленным культурой эпохи. Поэтому сходство с изображаемой действительностью, по утверждению Эко, не подразумевает связи между образом и его объектом, оно определяется тем, насколько созданный писателем или историографом образ соответствует модели, обусловленной культурой эпохи и канонизированной системой ожиданий со стороны читателя»¹³.

М. Р. Уолдмен, полностью полагаясь на эту систему, анализирует сцену казни Хасанака, везиря султана Махмуда Газневидского, которая поражает своей реалистичностью, и приходит к следующему выводу: «Этот предположительно исторический текст достигает своего реализма не благодаря тому, что «действительно» произошло, но скорее потому, что он соответствует обусловленному культурой образцу, который используется, чтобы представить то, что произошло»¹⁴.

Как видим, М. Р. Уолдмен даже не допускает мысли, что целью Байхаки было точно, во всех подробностях описать казнь Хасанака, свидетелем которой он, видимо, был. По ее мнению, это рассказ «не о Хасанаке или о ком-то другом, а об умпании как таковом»¹⁵. «В устах Байхаки описание одной смерти становится описанием ухода из жизни; повесть об одном человеке становится повестью о человечестве»¹⁶. Кроме того, М. Р. Уолдмен считает, что когда Байхаки с поразительной реалистичностью описывает поведение обреченного на казнь, его отрешенность и безучастность, он стремится передать не естественное психологическое состояние героя, а суфийский мистический идеал ухода из жизни «до смерти» (с. 178). Иначе говоря, весь рассказ понимается М. Р. Уолдмен как произвольная конструкция, созданная Байхаки для выражения суфийской идеи ничтожности материального бытия перед величием стиля смерти и духовного возрождения.

Итак, в статье дается наиболее последовательное обоснование выраженной в монографии мысли о влиянии суфизма на характер изображения действительности в «Истории Мас'уда».

По этому поводу у нас имеются принципиальные возражения. Во-первых, едва ли можно признать систему семиотики (по крайней мере, в интерпретации Умберто Эко) универсальной. Сам принцип признания всех произведений литературы и искусства теми или иными знаками, эмблемами действительности исключает принципиальное различие между стремлением к возможно более точному воссозданию действительности и тенденцией намеренного отдаления от нее ради изображения идеала. Мы не можем, разумеется, судить о реальном облике и характере исторических деятелей, описанных Байхаки, но созданные им портреты настолько индивидуальны, что всякая попытка увидеть в них те или иные модели крайне искусственна. Во-вторых, общую идею ничтожности материальной жизни человека перед загробным миром нельзя объяснить влиянием суфизма, ибо это — черта всякой средневековой литературы. Анализ персоязычной историографии как жанра средневековой прозы свидетельствует о том, что общее влияние суфийской идеологии следует искать в отношении историографов к реальному человеку, его индивидуальным особенностям, отличающим его от ему подобных. Отдельные совпадения с идеями, высказываемыми теоретиками суфизма, еще не говорят о влиянии этого учения. Даже если бы можно было доказать принадлежность Байхаки к суфийскому ордену, следует признать, что его хроника не несет на себе следов влияния суфизма в силу повышенного интереса его к изображению неповторимых черт исторических деятелей, их психологических состояний.

В остальном монография М. Р. Уолдмен является важным вкладом в область литературоведческого анализа произведений персоязычной историографии. Предпринятое в ней исследование «Истории Мас'уда» Байхаки позволяет полнее представить все аспекты воззрений этого выдающегося историографа и определить место его хроники в истории персоязычной средневековой прозы.

⁹ Waldman M. R. Semiotics and Historical Narrative. — Papers in Comparative Studies, Ohio State University Press, vol. I, 1981, p. 167—188.

¹⁰ Umberto Eco. A Theory of Semiotics. Bloomington, 1976.

¹¹ Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Ленинград, 1972, с. 38.

¹² Там же, с. 127.

¹³ Умберто Эко. Теория семиотики..., с. 204—205.

¹⁴ Уолдмен М. Р. Семиотика и историческое повествование..., с. 176.

¹⁵ Там же, с. 179.

¹⁶ Там же, с. 184.

Пользуясь случаем, напомним, что в советском востоковедении литературоведческому исследованию персоязычных хроник посвящен ряд работ Е. А. Поляковой, где дается анализ произведений историографии XI—XV вв.: «История Мас'уда» Байхаки, «Тарихи Систан», «Зайн ал-ахбар» Гардизи¹⁷, «Тарихи джахан-гушай» Джувейни, «Сборник летописей» Рашид-ад-дина¹⁸, «Тарихи Вассаф» Вассафа¹⁹, «Зафар-наме» Шараф-ад-дина Али Язди, «Зафар-наме» Низам-ад-дина Шами, «Дневник похода Тимура в Индию» Гийас-ад-дина Али²⁰. Исследования в этом направлении следуют, безусловно, продолжать и впредь, охватывая все более широкий круг источников на различных восточных языках.

Б. А. Ахмедов, Е. А. Полякова

¹⁷ Полякова Е. А. Некоторые проявления демократических тенденций...; ее же. Некоторые черты социально-политических воззрений..., с. 42—53.

¹⁸ Полякова Е. А. Об этичности и реалистичности в хрониках Рашид-ад-дина и Джувейни.— *Общественные науки в Узбекистане*, 1979, № 10, с. 53—55.

¹⁹ Полякова Е. А. Некоторые сведения о «Тарихи Вассаф».— *Общественные науки в Узбекистане*, 1978, № 8, с. 44—47.

²⁰ Полякова Е. А. Бир севги фожнаси.— *Гулистан*, 1976, № 7; ее же. Использование астрологических представлений в некоторых хрониках эпохи Улугбека.— В кн.: *Из истории науки эпохи Улугбека*, Ташкент, 1979, с. 176—191.

НОВЫЕ КНИГИ

К. С. СУЯРОВ. СОВЕТЫ УЗБЕКИСТАНА В БОРЬБЕ ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПОВЫШЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И УЛУЧШЕНИЕ БЫТА ТРУДЯЩИХСЯ В ПЕРИОД РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

(Ташкент: Фан УзССР, 1984, 152 с.)

Глубокое изучение и освещение богатейшего опыта, накопленного Советами различных республик Союза в борьбе за дальнейший рост материального и культурного уровня жизни тружеников города и села, в условиях совершенствования зрелого социализма имеет весьма актуальное научно-теоретическое и практическое значение.

К. С. Суяровым предпринята попытка осветить эту многогранную деятельность Советов в историческом плане на конкретных материалах Узбекской ССР 1959—1970 гг.

Работа К. С. Суярова состоит из введения, двух глав и заключения. Во введении дан краткий обзор литературы по исследуемой теме.

В первой главе — «Повышение роли Советов в социально-культурном строительстве» — освещается деятельность Советов республики по развитию народного образования, улучшению медицинского обслуживания населения и усилению коммунистического воспитания масс. Автор подчеркивает закономерность возрастания роли Советов под руководством КПСС в сфере социально-культурного строительства со вступлением страны в период зрелого социализма. При этом автор, не ограничиваясь лишь показом достигнутых успехов, говорит также о допущенных недостатках и путях их устранения.

Во второй главе — «Руководство Советов депутатов трудящихся Узбекистана жилищным строительством и бытовым обслуживанием населения» — в таком же плане показана забота Советов республики о развитии жилищного строительства и благоустройстве городов и сел, улучшении бытового обслуживания трудящихся, совершенствовании работы общественного транспорта.

В работе на конкретных материалах показано то новое, что вошло в работу Советов УзССР в исследуемых сферах жизни общества в рассматриваемый период.

Общие итоги исследования подведены в кратком заключении, где подчеркнута значимость дальнейшего совершенствования стиля и методов работы Советов на современном этапе.

Э. Ходжиев, Ш. Тошкuvatов

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — УЗБЕКИСТАНЦЫ

(Ташкент: Узбекистан, 1984, 384 с., с портр.)

Вышел в свет наиболее полный и уточненный сборник кратких биографий узбекистанцев — Героев Советского Союза¹, в который вошли данные о 339 участниках Великой Отечественной войны, удостоенных этого высокого звания.

¹ Автор текста Н. Г. Березняк. Литературная обработка Н. Е. Тихомолова и Б. Х. Боксера.

Как указано в книге, в ней «представлены описания подвигов и краткие биографические сведения о Героях Советского Союза, о тех, кто родился и жил в Узбекстане, кто был призван в Советскую Армию военкоматами Узбекской ССР, кто уже в послевоенные годы избрал местом жительства Узбекскую республику».

Каждой из биографий сопутствуют фотографии, кроме нескольких случаев, когда фотографии некоторых героев еще не разысканы.

Книга — плод многолетней кропотливой работы полковника запаса И. Г. Березняка, привлечшего к написанию ее материалы Центрального архива Министерства обороны СССР, республиканских архивов, военных комиссариатов, комплекты фронтовых газет и листовок и др. Основу основ составили копии наградных листов Героев.

Материалам книги уместно предпослан текст знаменитого письма бойцам-узбекам от узбекского народа.

Издана книга тиражом 10 тыс. экз. и служит хорошим подарком широкому читателю ко дню 40-летия Победы над германским фашизмом, достойно увековечивая славу тех, кто, не щадя своей жизни, сражался за свободу и независимость Страны Советов.

Б. Л.

ХРОНИКА

СОВЕТСКО-ИНДИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМЕ «РАННЕЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИНДИИ»

17—20 сентября 1984 г. в столице братской Туркменской ССР г. Ашхабаде состоялся первый советско-индийский симпозиум по проблеме «Раннежелезный век Средней Азии и Индии», проведенный в рамках советско-индийского научного сотрудничества.

Индийская делегация, возглавляемая профессором Бенаресского университета, доктором Н. Р. Банерджи, включала директора археологической службы Индии, проф. Дикшита, профессоров М. С. Нагараджа, В. Н. Роя, С. Б. Део и др.

Советская сторона была представлена археологами, этнографами, лингвистами центральных учреждений Москвы, Ленинграда, Сибири и всех республик Средней Азии.

На открытии симпозиума выступил чрезвычайный и полномочный посол Республики Индии в СССР, известный историк и философ, проф. Санд Нурул Хасан, подчеркнувший важность совместной работы археологов и историков наших стран.

Обширная тематика симпозиума может быть сведена к трем направлениям — введение в науку новых памятников и материалов; организация археологического материала и сравнительный анализ историко-археологических, лингвистических и этнографических источников; построение на этом фундаменте исторических выводов и социально-экономической характеристики регионов.

В докладах индийской делегации нашли отражение результаты археологических исследований и всесторонние обобщения социальной и экономической структуры государств той эпохи.

Н. Р. Банерджи в докладе «Импульс к внедрению железа в материальную культуру» по материальным данным и письменным источникам дал анализ роли появления железа в изменениях в индийском обществе. «Исторический фон железного века Индии» был темой построенного в широком историческом плане доклада проф. В. Н. Роя. Роль освоения железа в процессе образования государственности в Индии проанализировал проф. С. Б. Део, подчеркнувший всеобъемлющий характер освоения данного металла, ставшего необходимым и в хозяйстве, и в вооружении, что способствовало формированию более организованного общества, делению его на классы и развитию обмена.

Детализации этого процесса был посвящен доклад проф. Дикшита «Железный век и государственные формации до 300 г. до н. э.». Доктор Р. К. Верма остановился на одном из важных вопросов — о роли железа в военном деле. Конкретным вопросам технологии получения железа в Индии посвятил свое выступление проф. К. Т. Хегде, ведущим тезисом которого было обоснование выпуска с IV в. до н. э. стали методом сварки и проковки.

Дискуссионным явился доклад доктора Д. К. Чакрабартти «Железо и урбанизация», в котором он попытался доказать, что освоение железа не сыграло никакой роли ни в урбанизации, ни в развитии сельского хозяйства в долине Ганга. Урбанизацию этого региона автор пытался объяснить не экономической и торговой деятельностью, а ростом организованных политических культур.

Тематика выступлений советских ученых охватила все три направления симпозиума.

В обобщающем докладе «Средняя Азия в эпоху раннего железа: культурная и социально-экономическая динамика» доктор ист. наук В. М. Массон, отметив кардинальные изменения в обществе раннежелезного века в целом, обратил основное внимание на различия в развитии отдельных групп регионов — сложение классового общества в оазисах юга и создание мобильных, динамичных обществ ранних кочевников северной периферии.

В последующих выступлениях археологов на новейшем материале была раскрыта конкретная история регионов. Стратиграфический анализ памятников Южной Туркмении (Этека), диагностическим материалом которого послужили комплексы керамики, провел В. Н. Пилипко, выделивший на его базе три этапа: X—VIII, VII—VI и V—IV вв. до н. э. и связавший ареал племен культурной общности типа Яздепе с районом расселения восточноиранских племен.

Новые материалы Южной Туркмении были представлены Э. А. Мурадовой. Исследования в Бенгуванском оазисе Дахистана дали основание генетически связать его комплексы с Шахтепе и Тюренгтепе Северного Ирана и подтвердить высокий уровень культурной интеграции этих регионов.

Х. Ю. Юсупов по результатам исследований, проведенных в Северной Туркмении, выдвинул тезис о неоднородности занятий сако-массагетского населения, традиционно считавшегося кочевническим.

Анализ палеозоологических материалов позволил Н. М. Ермоловой реконструировать скотоводство и охоту древнего населения Туркмении в эпоху железа как отрасли хозяйства, игравшей в ряде районов ведущую роль при последовательно нараставшей роли скотоводства.

Новые антропологические материалы из различных памятников Южной Туркмении были представлены в сообщении О. Бабакова и Д. Худайбердыева.

Северным пределом арханческой урбанизации Средней Азии посвятил свое выступление Н. Н. Негматов, собравший материал о бассейне левобережья Сырдарьи. Крайним пунктом урбанизации для середины I тыс. до н. э. он считает район Ходжента, на месте которого локализует пункт, обжитый в VI—V вв. до н. э., отождествленный автором с Александрией Эсхатой, построенной греко-македонцами в 329 г. до н. э.

Ю. А. Заднепровский по материалам Ферганы выдвинул проблематичный тезис о существовании здесь в VII—IV вв. до н. э. городов (к которым отнесены городище Эйлатан на востоке и Нуртепа на западе долины), протогосударства в середине I тыс. до н. э. и формирования связанного с Шурабашатским археологическим комплексом Даваньского государства, стабильно существовавшего на протяжении 600—800 лет. Длительная жизнь его связана с соседними скотоводческими племенами, а своеобразия керамики объясняется независимым положением Ферганы.

Опосредованным связям Сибири с Индией по археологическим комплексам было посвящено выступление А. И. Мартынова.

Отдельные доклады были посвящены важным вопросам смежных эпох. Так, Г. Ф. Коробкова сообщила о результатах трассологического изучения орудий неолитического времени Индии, выполненного в рамках советско-индийского сотрудничества и раскрывшего непрерывное развитие культуры Ганга с трансформацией ее с поры энеолита в новый культурно-хозяйственный тип производящей экономики.

Оживленный интерес вызвал доклад Я. В. Василькова «К проблеме соотношения Махабхараты» с данными археологии».

Методической новизной отличалось исследование С. А. Маретиной «Особенности социальной стратификации и становления государства в изолированных районах (на примере Индии)», в котором неравномерность процесса классовобразования и становления государств у различных народов рассмотрена на основе сочетания этнографических материалов и исторических источников.

Активное участие в работе симпозиума приняла делегация Узбекистана, представившая материал широкого хронологического и тематического диапазона.

Результаты археологических исследований, проведенных в Южном Узбекистане, были положены в основу доклада А. А. Аскарлова о культуре и обществе Бактрии первой трети I тыс. до н. э. В противовес точке зрения В. И. Сарнианиди о иранском происхождении культуры племен расписной керамики автор выявил ее среднеазиатские корни и связал с оседающими степными племенами чустской группы. Анализ ирригационной системы, монументальной архитектуры дворцового типа дает материал для характеристики социальной структуры древнебактрийского общества.

Последующий этап урбанизации южных районов осветил Б. Х. Тургунов, представивший прекрасные памятники искусства одного из центров Кушанской Бактрии — Дальварзинтепа.

А. С. Сагдуллаев на базе материалов 570 археологических объектов провел районирование памятников южных и центральных регионов Средней Азии VII—IV вв. до н. э., выделив 11 территориальных групп, анализ которых показал определенное обособление отдельных восточноиранских народностей с формированием в их недрах раннеклассового общества.

Формирование городской культуры Центрального, Южного и Западного Согда середины I тыс. до н. э., тесно связанной с Бактрией, явилось темой выступления А. Р. Мухамеджанова, Р. Х. Сулейманова и Г. В. Шишкиной.

Особенностями хозяйственно-культурного типа северовосточной периферии (зоны контакта земледельцев и скотоводов) по материалам бассейна Средней Сырдарьи — Ташкентского региона посвятили свое сообщение Ю. Ф. Буряков и М. И. Филанович.

На большом антропологическом материале, принадлежащем преимущественно северным кочевым народам, Т. К. Ходжайов выделил для раннежелезного века три комплекса признаков: долихомезокранный европеоидный средиземноморский тип, характерный в основном для южных регионов Средней Азии; мезокранный европеоидный

тип, присущий племенам северных и северо-восточных регионов, и мезобрахикраный — монголоидный тип, являвшийся для Средней Азии того времени пришлым.

Сравнительный анализ технологического состава среднеазиатского и индийского стекла, раскрывающий пути технических взаимосвязей и экспорта продукции в широком хронологическом диапазоне вплоть до XV в. н. э., предпринял А. А. Абдуразаков.

В развернувшейся дискуссии был подчеркнут культурный параллелизм в развитии Индии и Средней Азии: выделение в первой трети I тыс. до н. э. регионов расписной керамики, последующее изменение культурно-хозяйственного стандарта, интеграция материальной культуры, связанная с формированием государств, и новый виток урбанизации.

Основной результат симпозиума состоит в том, что вместо мозаики различных культур и регионов перед нами предстал тесно связанный исторический процесс, развивавшийся на обширном пространстве Азиатского материка, к характеристике которого наряду с археологическими и историческими источниками были активно привлечены этнографические и лингвистические материалы.

Углубленно исследованы ремесла, в первую очередь технология получения железа и производства железных изделий, стандартизация и товарность других видов продукции. Некоторые выводы, однако, остаются весьма проблематичными и требуют проверки новыми материалами.

Участники симпозиума ознакомились с раскопками многослойного памятника первобытных культур Анау и античного города Парфии — Старой Нисы (близ Ашхабада), а также с материалами археологических исследований в Узбекистане.

Следующий симпозиум решено провести в Индии в 1986 г.

Ю. Ф. Буряков

МУНДАРИЖА

Э. Х. Маҳмудов. Капитал қурилиш самарадорлигини оширишнинг регионал аспектлари	3
Т. Э. Эргашев, И. П. Полвонова. Ривожланган социализм шароитида меҳнат тақсимотида иқтисодий қонунни қўллаш хусусиятлари	11
Д. И. Бернштейн. Ҳуқуқий жавобгарликнинг социал жавобгарлик сифатида кўриниши	15
Ш. А. Икромов. Хулқ маданияти масаласини ўрганишга оид	23

Буюк Ғалабанинг 40 йиллигига

М. Ш. Қосимова. Мамлакатимиз ғарбий районлари халқ хўжалигини тиклашда Ўзбекистон меҳнаткашларининг биродарлик ёрдами	29
---	----

1905—1907-йиллар революциясининг 80 йиллигига

Л. Н. Кравец. Туркистонда 1905 йил февраль стачкаси	33
---	----

Илмий ахборот

Б. У. Аминов. Совет Ўзбекистони ёшлари билан ривожланаётган мамлакат ёшлари ўртасидаги интернационал алоқаларнинг ривожланиши	38
Б. Ибратов. ЎзССР аҳолисига маншй хизмат кўрсатиш қонунчилигини такомиллаштиришнинг баъзи масалалари	40
С. А. Мавлонбекова. Саккизинчи беш йиллик даврида ЎзССР қишлоқ хўжалигининг моддий-техника базасини мустаҳкамлаш	42
Л. В. Ундерова. XIX аср охири ва XX аср бошидаги ўзбек миллий кийимининг таърифига оид	45
Х. И. Жонматова. Ибн Сино илмий асарларида ахлоқ масалалари	48

Фанда янгилик: изланиш, топилма, кашфиёт

Н. Х. Тошканбоев. Самарқанд областидаги янги палеолит топилмаларга оид	51
В. А. Завьялов, В. А. Мешкерис. Пан найли бактриялик музикачи	52

Танқид ва тақриз

Б. А. Аҳмедов, Е. А. Полякова. <i>Мерилин Робинсон Уолдмен</i> . Тарихий ҳикоя қилиш назариясига оид. Эрон мусулмон историографиясини ўрганишнинг баъзи масалалари	55
--	----

Янги китоблар

Э. Ҳожиев, Ш. Тошқувватов. <i>К. С. Суяров</i> . Ўзбекистон Советлари ривожланган социализм даврида меҳнаткашлар маданиятини янада ошириш ва турмуш шароитини яхшилаш учун курашда	60
Б. Л. Ўзбекистонликлар — Совет Иттифоқи Қаҳрамонлари	60

Хроника

Ю. Ф. Буряков. «Урта Осиё ва Ҳиндистонда илк темир аср» проблемаси бўйича совет-ҳинд симпозиуми	61
---	----

СОДЕРЖАНИЕ

Э. Х. Махмудов. Региональные аспекты повышения эффективности капитального строительства	3
Т. Э. Эргашев, И. П. Палванова. Особенности использования экономического закона распределения по труду в условиях развитого социализма	11
Д. И. Бернштейн. Правовая ответственность как вид социальной ответственности	15
Ш. А. Икрамов. К изучению проблемы культуры поведения	23

К 40-летию Великой Победы

М. Ш. Касымова. Братская помощь трудящихся Узбекистана в восстановлении народного хозяйства западных районов страны	29
---	----

К 80-летию революции 1905—1907 годов

Л. Н. Кравец. Февральская стачка 1905 года в Туркестане	33
---	----

Научные сообщения

Б. У. Амминов. Развитие интернациональных связей молодежи Советского Узбекистана с молодежью развивающихся стран	38
Б. Ибратов. Некоторые вопросы совершенствования законодательства о бытовом обслуживании населения УзССР	40
С. А. Мавлянбекова. Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства УзССР в годы восьмой пятилетки	42
Л. В. Ундерова. К характеристике узбекского национального костюма конца XIX — начала XX века	45
Х. И. Джанматова. Вопросы нравственности в трудах Ибн Сины	48

Новое в науке: поиски, находки, открытия

Н. Х. Ташкенбаев. О новых палеолитических местонахождениях в Самаркандской области	51
В. А. Завьялов, В. А. Мешкерис. Бактрийский музыкант с флейтой Пана	52

Критика и библиография

Б. А. Ахмедов, Е. А. Полякова. <i>Мерилин Робинсон Уолдмен</i> . К теории и торического повествования. Некоторые стороны изучения иранской мусульманской историографии	55
--	----

Новые книги

Э. Ходжиев, Ш. Ташкуватов. <i>К. С. Суяров</i> . Советы Узбекистана в борьбе за дальнейшее повышение культуры и улучшение быта трудящихся в период развитого социализма	61
Б. Л. Герои Советского Союза — узбекистанцы	60

Хроника

Ю. Ф. Буряков. Советско-индийский симпозиум по проблеме «Раннежелезный век Средней Азии и Индии»	61
--	----

НАШИ АВТОРЫ

- Ахмедов Б. А.** — доктор исторических наук, зав. отделом изучения историко-культурных взаимоотношений Средней Азии и Китая Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Эргашев Т. Э.** — доктор экономических наук, зам. председателя Совета по координации научных исследований Президиума АН УзССР.
- Бернштейн Д. И.** — кандидат юридических наук, доцент кафедры советского права ТашПИ им. Беруни.
- Буряков Ю. Ф.** — кандидат исторических наук, зам. директора Института археологии АН УзССР.
- Ибратов Б.** — кандидат юридических наук, ст. преподаватель юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Касымова М. Ш.** — кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Кравец Л. Н.** — кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Махмудов Э. Х.** — кандидат экономических наук, ст. научный сотрудник ТИНХ.
- Мешков Р. А.** — кандидат искусствоведения, ст. научный сотрудник ЛО ИА АН СССР.
- Полякова Е. А.** — кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Ташкенбаев Н. Х.** — кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
- Лжагиматова Х. И.** — ст. преподаватель кафедры философии ТИТЛП.
- Икрамов Ш. А.** — ст. преподаватель Джизакского ГПИ.
- Мавлянибскова С. А.** — ст. преподаватель кафедры истории КПСС АндГПИ.
- Загьялов В. А.** — мл. научный сотрудник ЛО ИА АН СССР.
- Ундерова Л. В.** — мл. научный сотрудник Института искусствознания им. Хамзы Хаким-заде Ниязи Министерства культуры УзССР.
- Аминов Б. У.** — аспирант ФерГПИ им. Улугбека.
- Палванова И. Г.** — аспирант Института экономики АН УзССР.

Цена 65 к.

Индекс
75349